

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Новым годом, дорогие друзья!

Пятилетке—
мастерство и
поиск молодых!

ПО МЕТОДУ КРУТОГО ВО

Кандидат медицинских наук Гарри Чайковский вспоминает, как несколько лет назад обратился с трибуны к молодым специалистам металлургического комбината и как собрание грохнуло, узнав, что на трибуне хирург: «Ну вот, уж и доктор нас учат!» Чайковский приехал тогда на комбинат от имени организаторов молодежного научного общества.

Идея объединения молодых интеллигентов возникла у медиков, а горюком комсомола ее поддержал. Совете молодых ученых действуют во многих городах; они объединяют сотрудников научных институтов. И хотя в Нижнем Тагиле ни

одного научно-исследовательского института нет, научными исследованиями занималось немало инженеров и врачей — без отрыва от основной работы. Однако в отдалении друг от друга.

Чего они могли ждать от объединения?

«А что это нам даст?», «А для чего это нужно?» Металлурги забросали тогда Чайковского именно такими вопросами. Говорили: есть же общество ВОИР и научно-технические общества, какой смысл затевать еще одно, городское? И Чайковский отвечал металлургам то же, что отвечали его товарищи на других заводах — на Вагове, на заводе пластмасс: объединившись, мы узнаем друг друга. Это будет не

только моральной поддержкой, хотя и это немаловажно: знать, что не ты один пытаешься сделать какие-то выводы из своей текущей повседневной работы, ищешь что-то новое, какую-то закономерность, ощущать, что просиживаешь вечерами над книгами, историями болезней, расчотами не только ты у себя в больнице или в цехе, но и твои товарищи тоже.

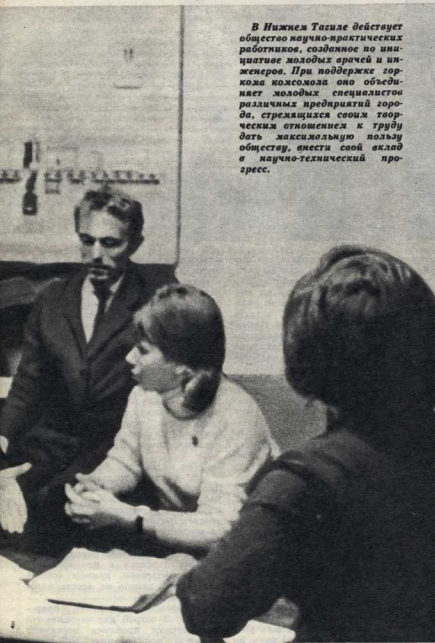
Чувство локтя — великое чувство. Но не в нем одном дело. Если собраться вместе, рассуждал Чайковский, наши работы и показать их всему городу, станет ясно, какая мы сила! Станет ясно и нашим руководителям и тем, кто тянет к исследовательской работе, у кого в текущее никак не доходит руки.

С тем, что первая цель — провести смотр сил, научную общегородскую конференцию, с этим были согласны все. Споры вызвало название общества — молодыми учеными было и нескромно себя называть да и не совсем верно. «Общество творческих работников» — это как-то распыляло. «Инициативных специалистов» — высокомерно, обидно для остальных... В конце концов остановились на точном, хотя, быть может, и не очень благозвучном наименовании: назвали себя работниками научно-практическими...

● Вероятно, конференцию было бы намного труднее подготовить, когда бы не опыт врача Чайковского в научно-организанной работе.

Лев КОКИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Смена»

СХОЖДЕНИЯ

В Нижнем Тагиле действует общество научно-практических работников, созданное по инициативе молодых ученых и инженеров. При поддержке горкома комсомола оно объединяет молодых специалистов различных предприятий города, стремящихся своим творческим отношением к труду дать максимум пользы обществу, внести свой вклад в научно-технический прогресс.

В студенческие годы был он председателем студенческого научного общества в Свердловском медицинском. Пригодился опыт металлурга: на год в год проводит они у себя на комбинате большие конференции молодых специалистов. И, наконец, опыт старших товарищей: среди тех, кто поддерживал начинание, помог собрать достойные работы, принял участие в их обсуждении, были и главный инженер комбината, и начальник заводских лабораторий, и работники горкома партии.

Держу в руках книжку: «Материалы 1-й городской конференции молодых научно-практических работников Н. Тагила» (Н. Тагил, 1967). Напечатаны в ней короткие рефераты докладов, представленных

на секции — металлургическую, машиностроительную, химическую, медицинскую... Всего восемь десятков докладов, причем некоторые подготовлены группами авторов, так что докладчиков на конференции набралось человек полтора. И, как правило, делали они не обильные доклад-лекция (вог, мол, что могут люди), а сообщали о собственных поисках, опытах и находках, зачастую подкрепляя раскаяние надежными теоретическими обоснованиями. Действительно они представляють собой силу!

Вот цитаты на выборку: «Количество чистых слитков увеличилось на 10—15 процентов...» (инженер В. Катенин, металлургический комбинат).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 24 [1022]

ДЕКАБРЬ
1969

Наша обложка: «Русская лира» — хорозграфическая картинка в исполнении ансамбля «Радуца». Этот молодой ансамбль принимает участие в музыкальной программе 9-й песни Московского государственного молодого хора.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

4 ТРИ АВГУСТОВСКИХ ДНЯ. Очерк Александра Лазебникова о неизвестных страницах из жизни В. И. Ленина.

10 ГОД В АРКТИКЕ. Дневник начальника дрейфующей станции.

14 «КРУГОЗОР СОВРЕМЕННОКА»: ВЛАСТВОВАТЬ СОВОЙ. Интервью с Героем Советского Союза М. М. ГРОМОВЫМ.

24 КАССИУС КЛЕИ ПРОТИВ ЭВМ.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ЛЕНИНА-69

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ИНТЕРВЬЮ С ГЕРОЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ТРУДА СЛЕСАРЕМ ЗАВОДА
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
В. В. ЕРМИЛОВЫМ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА С. М. БУДЕННЫЙ:
«ДЛЯ МЕНЯ ОБРАЗЦОМ БЫЛ ЛЕНИН»

«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ». ГОРЫ КАВКАЗА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЕМ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лыханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рабчиков, Г. В. Семелов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник]

Художник Г. Торзбашанц

Технический редактор Н. Будкина

«При массовом использовании на комбинате листовых и бланочных слитков продвинутой формы окислительной технологии не менее 550 тысяч рублей.» (группа инженеров металлургического комбината).

«В результате испытаний наилучшую износоустойчивость показали образцы вагожных деталей с поверхности легированном бором. Они изнашиваются в 2—3 раза меньше, чем существующие.» (группа инженеров Уралагрозавода).

«Исследованный режим термической обработки рекомендован для внедрения...» (другая группа с того же завода).

«Предложенная методика сокращает продолжительность анализа с 6—6 часов до 20—30 минут.» (инженеры завода пластмасс).

«Рекомендован оптимальный режим при работе в промышленных условиях...» (другая группа с того же завода).

«Значительный эффект, хорошая переносимость, отсутствие каких-либо осложнений позволяют рекомендовать этот метод лечения для широкого использования.» (врач В. Асеева из 4-й городской больницы).

Понимаю, эти выдержки говорят лишь о практической пользе работ, а не об их существе. К сожалению, о вещах профессиональных неспециалистам вкратце не расскажешь. Интереснее рассказывать о том, как «рождаются» научные темы на производстве, проследить их путь — от примера истоки заводской науки.

Когда на заводе пластмасс пути новую технологическую витку в чехе формалина, не знаю, почему, оказалось, что не хватает мощности ревитификационной колонны. Скорее всего, просчитались проектировщики. Но была еще одна причина. Для нас суть не в этом. Химиков вечно мучает проблема отходов — куда их девать, они и дорогие, они и вредные, просто так их не выдешь. В ревитификационной колонне как раз происходит окисление, а тут колонна перестала с нею справляться. Что было делать? Производство не терпит промедления, надо было действовать, как на пожаре, и родилась у кого-то из молодых инженеров еретическая идея — вернуть надсолонье воды в процесс.

Кажется бы, что может быть, кроме такого выхода, если бы он не противоречил общепринятому понятию, что вещества, которые в этилах содержатся, являются катализатором — катализатор. И все же начальник цеха пошел на риск эксперимента — не очерея голову, не с отчаяния, а потому, что под еретической идеей была разумная почва, вещества, отравляющие катализатор, так или иначе образуются в ходе процесса, а значит, в малом количестве их их течет. Перейдет ли количество в качество, могу решить только эксперимент. И его провел. В результате цеховой «пожар» лодки, еретическая идея оказалась справедливой, а общепринятые сведения специалистов понятия пришлось пересмотреть.

В одном из цехов произвола такая история. Печенье, бисквит, продукты, дорогие машины, турбокомпрессоры часто выходили из строя: летели подшипники. Молодой инженер, цеховой механик, стал доискиваться по причине прежде всего к тому, что в движении, при работе машины ее валы иногда меняют свое положение, тогда как конструкция

подшипников, подвал к ним смазки — все это основано на расчетах статических. Механик проделал математические выкладки. Гидродинамическая теория смазки подтвердила его предположение. Однако для полной уверенности необходимо было эксперимент: просверлить подшипники, поставить датчики, измерить режим работы... Просверлить подшипники турбокомпрессора — дело не шутное, цеховое начальство не ринулось, идею изложил о спокойной жизни или, может быть, проявляло ответственность? Сейчас речь не об этом. Цеховому механику пришлось доказывать право на риск — обоснованный, подтвержденный расчетом техничный риск, неизбежный при поисковой работе. И он доказал свое право и свою правоту.

Вероятно, почти за каждой из тех работ, что сугубо изложены в книжечку, которую я держу, стоит похожая на эти истории со счастливым концом, взглядом показывающая, как в заводском цехе может родиться научная работа. Из насущных, неотложных практических нужд. Как Афролита из лены. Но в научных статьях об этом писать не принято.

Молодой инженер Д. Арсланов с металлургического комбината применил методы математической статистики к постановке производственного эксперимента, и для получения результата оказалось достаточно провести 13 опытов вместо 100 необходимых по классической схеме. Последняя цитата — из доклада инженера Арсланова. «Эксперимент проводился», — пишет автор, — по методу крутого восхождения...»

По методу крутого восхождения! Не подобным ли методом воспользовались татальцы в своем большом «научно-практическом» эксперименте?

● Когда хирург явился к металлу, другим агитировать за научное обучение, его задачи видятся в том, чтобы пробудить у молодых специалистов интерес к науке, вкус к исследованию, а также поддержать

тех, кто успев самостоятельно почувствовать этот вкус (сам Чайковский в то время уже работал над диссертацией). Но едва ли он мог предвидеть, что прокладывает дорогу к технике своему другу, коллеге и единомышленнику Борису Шаперову. В результате на стыке медицины и техники появилась любопытная работа. Ее соавторы — врач-аэропатолог и инженер-литейщик.

...После окончания Уральского политехнического Вячеслав Грозман стал бригадиром обрубщиков в литейном цехе Уралагрозавода, или «Вагонки», как называют завод татальцы. Обрубка — участок доводочный, здесь выправляют дефекты в стальном литье — вырубят их и приваривают. Работа не из легких. Вскоре после прихода в цех молодой инженер начал опыты с одним из дефектов, весьма неприятным. Доискивался причины. Замерзал температура металла при анализе форм, менял составы, которыми красятся формы изнутри. Это было начало серьезной работы, в результате которой неприятный дефект удалось изжить, а молодой инженер защитил диссертацию... Есть два пути облегчения труда обрубщиков, — говорит бывший их бригадир кандидат технических наук В. Грозман, — механика и технология, то есть уничтожение дефектов. Второй путь, на мой взгляд, разумней, не говоря уж об экономической стороне.

А насколько он нуждается в облегчении, труд обрубщиков, показывая работу «Вагонки» и некоторый путь профилактики вибрационной болванки у обрубщиков, в которой найдены технические науки выступают соавтором жителя.

Примеры деловых контактов на стыках разных производств и наук есть и у химиков. Это связано главным образом с вечно волнующей их проблемой оттоков. Таких — горюх заводов. Благодаря молодежному научному обществу связи между ними стали намного оживленнее. Вот соавторы работы химиков с механиками. Стоичные виды производства пластмасс удалось использовать для улучшения качества цемента, его

Трое из сотен молодых интеллектуалов Нижнего Тагила, ступивших на путь активной борьбы за научно-технический прогресс: врач Гадри Чайковский, химик Зелифур Яковлев, механик Зурга Евгений Зубов.

пластичности, водостойкости, прочности, а также для увеличения производительности оборудования на цементно-шиферном заводе. Или совместно работа инженеров завода пластмасс и котельно-радиаторного. Из отходов производства, прежде пропадавших впустую, химики сумели получить лак, который пригодился для покрытия металлических деталей... Или результат сотрудничества цементников с медиками — заводская «Маншта», водолечебница, где воды от трансулания шлаков, скопленные по составу со знаменитыми местными источниками, используются для лечения радикулита и суставных заболеваний.

● Без малого два с половиной века агитат заводские трубы над Нижним Тагилем, но никогда не знал рабочий город такого роста, как в последние десятилетия. И никогда соответственно не испытывала такого воздействия со стороны человека окружающая природа. Да и сам человек, житель города, рабочий, тесно связан с рожденным им производством, причём «образная связь» далеко не всегда была желательна.

«Человек, производство, природа» — этой острой для современной цивилизации проблеме посвятила научную конференцию макушарской весной молодые научно-практические работники Нижнего Тагила. С участием химиков и металлургов, медиков и кристаллов состоялся поистине широкий разговор.

Мы уже как-то связались с тем, что развитие промышленности наносит урон природе. Вызвращается воздух и вода, гибнет рыба в реках, «задымляются» леса, и химические предприятия не последние в этом виновники. Проблема отходов — острейшая проблема для химиков, об этом говорилось на конференции, но спонс химиков — с завода пластмасс — татальцы не прекратили «хвалить! Поперили товарищей с других профессий на конференции городского вождя, за бездумное использование земли и порчу природных ландшафтов.

пояску, затем обвухнули в себе и талант находить».

● Кандидат медицинских наук Г. Чайковский, так сказать, президент «академии», оценивает результаты ее деятельности достаточно трезво: «Люди мы выполняли минимальный вариант».

Поднять над минимумом, по его мнению, это значит создать на предприятиях «режим наибольшего благоприятствования» для тех, кто хочет заниматься исследовательской работой. Пока что, однако, все «могучие резервы» приведены в действие. Аликета среди инженеров металлургического комбината показала это с полной определенностью. На вопрос, сколько распределений вы внесли за последние пять лет, почти половина опрошенных ответила: «Одного», — а еще больше людей заявило, что выполняет работу, лишь частично соответствующую, по их мнению, их склонностям и знаниям. Каждый третий исследовательский инженер считает, что на его должности инженеры являлись нужными лишь частично, а то и вовсе не требуются. Самофотография работы здесь встречается в основном в виде мартеновского щеха, например, на ramмышлении о перспективе производства может истратить минут двадцать.

И это на комбинате, известном своими инженерами традициями и достижениями, где нередко проводятся широкие тематические конференции, в том числе ежегодные конференции молодых специалистов, — почти половина инженеров (если бы это были студенты) сказала бы: «Конечно, я бы не ушел туда». Какие же еще не подыять пласты! Следует сказать, что попытки экспериментировать достигаются в каждом цехе встречаясь с добрым. Александр о первобытных людях, которые говорят своему сородичу: иди бы ты лучше на охоту, сколько можешь, — это высказывание, которое в наше время. Правда, теперь упорные экспериментаторы почувствовали себя в Тагиле уверенно: есть куда обратиться за помощью. Были случаи, когда городское научное общество собирало авторитетных специалистов на «третий суа», чтобы оценить перспективность работы, и — по приговору «суа» — добавляло продолжения исследования, несмотря на сопротивление цехового завода.

Но и то верно, что не всякий эксперимент можно провести в цехе. Производство есть производство, и экспериментаторам приходится в ряде предприятий с их мощными заводскими лабораториями: при желании там почти всегда имеются возможности для постановки эксперимента. Куда труднее инженеру небольшого завода или, скажем, врачу поликлиники. Тагильцы мечтают о том, чтобы оборудовать три цеха «академии» научно-исследовательские или же экспериментальные лаборатории, быть может, на двух предприятиях. Они же хотят организовать свою деятельность какими-либо искусственными барьерами и надеются привлечь в общество молодых рабочих-районцев, чтобы отработать свою деятельность в организации и работе научного общества школьников.

Их планы, безусловно, нуждаются в тщательном рассмотрении и внимательном обсуждении. Внеюне вероятно, что и во многих других городах страны пригодится тагильский опыт «академии» в отношении по ступеням научно-технического прогресса.

Но, обращаясь и общественным организациям и руководством предприятий города, участники конференции призвали их следовать примеру завода пластмасс. И когда основной докладчик, инженер этого завода Тамара Ульянова, заявила, что «человек, производство, природа должны стать друзьями» и что в наше время отношение к природным богатствам стало одним из пробных камней, на которых проверяется гражданская честность и сознательность каждого человека — от рабочего до руководителя, — за своей завод ей не приходилось работать. И за себя тоже: инженер Т. Ульянова возглавляет заводскую службу контроля за промышленными стоками. Это многоступенчатая, четко работающая служба, передовой пост которой вынесен далеко за пределы завода: специальная лаборатория может представлять справедливые претензии науке, — говорила Т. Ульянова в своем докладе. — По опыту нашего завода предприятия в состоянии сами проводить инвентаризацию и разрабатывать способы очистки стоков, утилизации ценных химических веществ».

И как бы в подтверждение этих слов, инженеры завода пластмасс рассказали о целом ряде своих работ — исследований, на деле утраченных антагонизм человека и производительности с природой.

«Направить дальнейшие усилия молодых ученых города», — гласит постановление конференции, — на комплексное решение вопроса улучшения условий труда, охраны природы и усовершенствования технологии...»

● Они называют себя, разумеется, в шутку, тагильским научным клубом. А в сущности тагильской «академией». Совет «академии» ждет теперь подготовку второй общегородской конференции. Обтрано намного больше работ, чем было в

первой, хотя «сито» стало значительно мельче. Каждый работа развешивается и обсуждается опытными специалистами, руководителями секций. Истатьи, число секций увеличилось, добилось экономического и гуманитария. В ряды «академии» вошли сотрудники Института, до сих пор державшиеся в стороне. Они представляют интересные работы, например, по лингвистике, посвященные выявлению наиболее употребительных слов в специальном, отрываемом лексиконе. Обладание таким «вероятным» словарем очень важно в первую очередь для изучающих иностранный язык специалистов.

И тут возникает вопрос: это важно для специалистов, проживающих в городе Нижнем Тагиле или вообще для изучающих язык людей той или иной профессии? Подобный же вопрос неизбежен при знакомстве с каждым исследованием — независимо от того, в какой области знания оно принадлежит. Дело в том, что не существует науки местного значения. Может быть наука и не наука. Что же представлял собой работа членов тагильской «академии» научно-практических работников?

Отвечая на этот вопрос, надо заранее говорить, что любой из возможных ответов несколько не умили бы полезности городского научного общества. «Самодельность» в области научно-технического творчества имеет немало воспитательное значение и, следовательно, право на существование. В этом плане авдатель, которые ставили перед собой основатели «академии», можно не сомневаться, выполняли успешно: охота к исследованию, к поискам, к творчеству выражает все большее число молодых тагильских специалистов. Но ведь есть и объективные результаты, измеримые в рублях экономического эффекта. И их пробы в рублях — в сотнях тысяч рублей.

Когда в Нижне-Тагильском металлургическом комбинате проведена работа среди инженеров, а потом

по ее итогам организовали диспут на тему «Инженер и его КПЦ», разгорелся спор о том, как измерять, этот «коэффициент полезного действия» инженера. Предложенный был выдвинуто много. Одно из них имело четкий вид математической формулы: КПЦ инженера равен сумме годовой экономии за счет его творчества, деленной на удороженную сумму его годовой зарплаты. Раздались недоуменные возгласы: для чего же заменять удорожать? Автор формулы, главный инженер коксохимического производства Н. А. Беркутов объяснил: каждый рубль, вложенный в науку, должен давать не менее десяти рублей прибыли.

Даже если такой суровой меркой оценить действия инженеров — членов тагильской «академии», у многих из них КПЦ (попреси заводу сохранения энергии) оказался больше единицы.

Кстати говоря, интерес к работе — казалось бы, показателем вполне нематериальным — тоже можно рассматривать как экономическую категорию: он является стимулом активной практической деятельности людей. «Интурсе» — как экономическую категорию социализма» — такова тема теоретического исследования работника Дзержинского района партии В. Берзукова, руководителя экономической секции «академии».

Вот уже четвертый год действует в Нижнем Тагиле общество научно-практических работников, и за это время приблизилось в его ряды молодых кандидатов наук, а еще больше аспирантов и соискателей ученой степени. Более двухсот человек работают в городе над диссертациями в различных областях науки и техники («академия», к слову, помогает им и в подготовке к экзаменам на кандидатский минимум).

Вот и судите, что это — самодельность или наука? А может быть, самодельность и наука? Как студенты роста тех молодых специалистов, которые, почувствовали вкус к

ский вечер, все за столом вокруг старенького саможора.

— А ведь, кажется, мы начали отмывать, — говорит Ленин. — Я почувствовал это уже в сарае.

Он поканил личину, приглотоленную Христинин Павловичем, сказав, что в деревне и там вымывает, еще в горле.

— Да, этот раз, ты меньше, — шутил уточнил он. — Но от сала отказался.

Мой давний паен, — угоровавал Мунул Владимир Иванович подползая до маюна слова. И рассказывал, как в 1905 году урядник нагнутаю вечером в Гоминку измаи, его, Маюна Жуюва — пиетерского забастовщика, думая найти у матери. Весе до перавернула. Мать решила, что сын ее пропнется где-то рядом, вышла ночью и гмуну.

— Сказчик, сынок, не бойся. Я поест тебе принесу штучку.

Ленин внимательно слушал. — Венновленная история. Вы познатиете меня в Гоминке, — ответил Ленин. — Ни один матери куда дальше ходили за своим сыновьями.

— Давно начинался вопрос к Христинин Павловичу до вращива Шуру, ее дочери. Чт с ней, где она?

То, что я рассказываю, случилось в войну. Шура была работчица в селе Воронное и дано сказать Александру Ивановичу. Обиданы возвратились она из Гоминки — собралась в горы, угоровавший ее, везет. Пришла угастала, больше молчит, чем разговаривает. Но не сирала, — воссезидит человек. Все раденье, говоренье страшно. Никогда танх не видела, куда Шуру поест, ни вест, что мюна давало, а чего нельзя было достать, сама добывать. После-пенно выкачала шестидесяти граммов, ушиба благополучно.

А двое — майор и лейтенант — еще были сналы. Майор, он уже старелся заниску накуто-то разорвать. Хотя ничего и не могли намын разобрат.

той бумажке, что уничтожили майор, но одно слово все пошло в Шуру. Все даровано фашисты тогда выстроили. Шуру Иваненую, Шуру Габриелю, Шуру Мигарю, мою Шуру и еще одну фамилию Шура заявила, повалив в штаб. Майора на выку у всей деревни распространил. И только успел сказать: «Смелый фашист!»

В штабе всех Шуру стали допрашивать: носили ли однажды, еду? Потом привели этого лейтенанта на очную ставку. Попознали имя Шуру. Никого он не признал. Но по глазам его догадывались немцы, что и называл «Юсима». Но первоначаль-кех дознали слово и поучились: «Нет, не носила». И тогда Шура снова задринла себе голову, себя, но тут-то случилось, мам и она. Оплит очная ставка. Быют лейтенанта, а от только головой молот: «Нет она». Угасил Шуру, Бросили в сарае, проворачивая двадцать дней, а потом забыли о ней, были другие заботы. Фрица — наш десантник. Шура вымывалась домай, как он угороваля я ее, ни увидел на хоми нунду, побереть себя, но тут-то случилось, мам и она. Оплит очная ставка. А вернулись однажды из лесу, спросил: «Смелый фашист!»

Спереть с мам и она. Больше уше ни о чем не просила Христинин Павловича, не планила, даме не огдымалась, когда уюжила дочь, отпустила ее воева.

— Вот и все, что рассказываю мне старая женщина от своей Шуры.

Помните газету, которую советовала мне почитать Христинин Павловича? Ни название она не помню, ни текст — давало это было, очень давно, в Смоленске».

И ядру неожиданная встреча с обрывком газетного листа в Калининском архиве. Мария Ивановна Фестюкова старинный научный сотрудник этого архива, алая о своих пописках, сообщила мне вклеившую на кусок картона газетную статью без начала, но с сохранившейся подписью: «Народный комиссар местной промышленности РСФСР И. Жуюва».

Не трудно было предположить по этому небольшому тексту, что Иван Павлович рассказывал со школьными ребятами. Растако а встрече с Лениным. Обрывок не сохранил названия газеты. Место выхода обнаружить тоже было невозможно, и только в конце разовойной странички да слова: — Дом печатать — вернуки памяти довольно название большого адания в Смоленске, где редакция редакций местных изданий. С этой неожиданной подсказкой я начал лисать старые подлинники областной газетерской газеты со дня ее выхода пока не обнаружил нужной номер «Юного пионера». В тринадцатую годовщину со дня смерти Владимира Ильича газета посвятила почти все свои страницы этой дате, опубликовав списки дома крестьянки Татьяны Трофимовны Трофимовой, где жил Владимир Ильич, ее коротко вспоминали и стихи о счастливой девочке Шуру.

Вот строки из воспоминаний И. П. Жуюва, которые я нашла в газете смоленских пионеров.

«В эту поездку на охоту мы останавливались в двух местах. Первая остановка была в бывшей Шпонтовой волости у крестьянина товарища Образцова. Потом мы дошли до деревни Нестерово. Проходя мимо деревни, мы очени полюбили проселочным дорогам, товарищ Ленин внимательно всматривался в каждое место».

Поезда в деревню Нестерово доставила Владимиру Ильичу особые удовольствия. В конце лета была замечательная погода. Ильич был очень доволен тем, что его радостно приняли в той доме, где мы остановились в Нестерово. Хотя он там был не под своей фамилией, но от зорких глаз хозяйки Татьяны Трофимовны все же не удалось скрыть, что это был товарищ Ленин. Она узнала его по портрету. Доволен был Ильич сам и потому, что все время его пребывания в этой деревне его сопровождал местный крестьянин, и сожелению, фамилия его не помню, которого все время спрашивали о быти и положении его одескельчан».

На обратном пути в Москву товарищ Ленин часто повторял, что эти поездки были для него очень интересной.

Каждый поезд — это терпение и всегда надежда. Вот наконец и состоялась встреча с крестьянином Образцовым в забытых воспоминаниях, написанных народным комиссаром, членом ЦК, для своих маленьких земляков.

О Богданове, счастиче Шпонтовой волости, я рассказываю Марии Ивановне Фестюковой, но раз помогавшей мне в поисках архивных строк.

Он, кажется, прав, вступил в спор с многолетним жаблудением о Заубове.

В то время Фестюкова была уже на полпути к своей интересной находке, о которой я рассказываю.

Она вспоминала, что в инструкции по первой Всероссийской переписи говорилось о поездках, которые должны быть отовражены в пути, если их отправка с места назначения до шести утра 28 августа 1920 года.

— У поездок тоже своя жизнь, — заметила Фестюкова. — Они оставляют после себя след — расписания. Я согласна с вами, что Богданов не нарушил правил, но счелта нужно искать не в деревнях жилых Вельского уезда.

— Вы думаете, что Ленин хорошо переехал на обратном пути, то есть 30 августа?

— Ни в коем случае! — убежденно ответила Фестюкова. — Владимир Ильич не мог нарушить правило, которое было обязательно для всех. Я вам покажу один из его телеграмм Терскому губернатору.

Ескоре на столе появилось письмо, на которой был извлечен матово-желтый телеграфный бланк:

«...и одного дня промывания... Ваша губерния должна быть обследована в сроч...»

Иван Науменов Виноградов (А. П.).

В сроч? Значит, 28 августа? Начинная с шести часов утра следующего дня в его вагон мог войти счелачи на любой станции. На какой?

Письмовые трупы, архивы и распросторо далеко не приносили никаких результатов. Но вот изданию добройволный и знаменательный мое помоник на Гоминку Николай Компанец подсказал, кто этот перепечатчик.

«В Москве, — писал он, — была старая ревизитанка. Еще в юности она оставила нам город, уехала учиться в столичный университет. Помню хорошо, что Вознесенская была счелачий но только поездом, но даме тогда в вагоне ехал Владимир Ильич. Заувет ее Дина, отчество точно не помню, кажется, Владимировна, лет Вознесенской около семидесяти».

С отима же очень сердерны сведениями о Вознесенской я обратился к сотруднице Центрального адресного бюро Надежде Константиновне Богданов. Нередко она вырчала меня. Пообщалась и на сей раз нашла в несоборном списке таксат одофамилиц Вознесенской, жителюцкий Москвы, бывшую ревизитанку. И вскоре нашла: возраст примерно тот, что указывал автор письма, инициалы «И. В.», родилась, правда, далеко от Рязани.

Большой новью дом на проспекте Вернадского, высойт этаж. Прежде чем открыть дверь, немолодой женской голос распрививал, кто я, к кому звать. Получав ответ, удалявшись, слышит все еще из-за закрытой двери: почему это ядрут она понаблюдает журналисту? Меня просят подождать, и через минутку открывают дверь. Объяснив старой женщине, саботнично приподнятой брови, причину моего появления и слышу в ответ потелющийся голос, промонясчив с оттенком искреннего сожаления, что по-

мочь мне Д. В. Вознесенская — это она — вряд ли сумеет, так как к переписи никакого отношения не имела.

После этой неудачи, казалося, впору бы оставить мысль о поиске рязанской счелачий ни счелачи, том более, что официальные сведения называли не Ржев, а соседнюю станцию Заубов.

Обнаружив я и короткие воспоминания об этой поездке в Вельские леса, написанные через двадцать с лишним лет после августовских дней 1920 года. В них подтверждалось, что на обратном пути в Москву переехал В. И. Ленин и его спутников на станции Заубов. Читая и эти воспоминания в Московском архиве, и все же мне думалося, что основным автором являются события.

На обратном пути? Могу ли так быть? Ильич возвращался 30 августа, в понедельник. Переписи же делалась всего один день — суббота.

Ескоре начался мое новое полутьку прояснить это давнее событие почти полутькувой датности. Немало прошло времени, прежде чем другой ревизитанка, Термоген Шулуев, убедил

— Фамилия счелачий не Вознесенская, а Воскресенская. После ее смерти Ленин, прибывший сюда еще в 1912 году, а по паспорту Евадия Васильевна, стала научным сотрудником одного-то столичного института...»

Я был у нее в день получения адресной справки. Людовский переулок, 4, квартира 41. Вот уже скоро пятьдесят лет, как Евдочия Воскресенская уехала из родного Якова. Когда я спрашивал, хорошо ли она помнит тот августовский день, когда вошла в вагон Ленин, мне почему-то так долго молчала, Евдочия Васильевна отвечала:

— Нет, не молчала, пыталась однажды, еще до войны, во время переезда 1939 года сказать, что я и была тогда-то счастливой женщиной. Институт Владимира Ильича держала в руках, но мне отговаривали. Будто и все первичные документы перешли в Москву, а не в Москву, как утверждала я в весторах. Ленин приехал в Ленинград на станции Бугубо, а не во Ржев. Так сказано в датах книги и действительности. В. И. Ленина на основании чьего-то воспоминания, впрочем, много кто лет спустя после этого события.

После встречи с Воскресенской я поехала в Калинин.

— Не сохранились ли у вас списки участников Всероссийской переписи 1920 года? — спросил я Марию Ивановну.

— Кто вас интересует?

— Александр Гуманин и Вера Новикова. Через несколько минут Феодотовская сообщила, что оба они в списках: Гуманин — инструктор, Новикова — участница Ржевского уездного съезда.

— Вы нашли этих товарищей?

— Нет, — ответил я. — Встретил бывшего ржевскую школьницу, она и назвала мне фамилии своих товарищей по Всероссийской переписи.

Вскоре Мария Ивановна обнаружала очень важные документы. Я сделала заказ в архиве, получила в архиве фотокопии и вновь направилась в Воскресенскую. Я попросила ее рассказать мне все, что она запомнила о том далеком дне.

— Вагон, что достался мне в день переписи, № 2 был давлен, в хвосте. Внешне он ничем не отличался от других, только колес и вошла в порядок, мне бросилось в глаза, что здесь просторнее. Двое товарищей, стоявших в тамбуре, не хотели меня пускать. Я сказала, что началась Всероссийская перепись, показала им листки.

В первом купе сидело четверо — я и сейчас помню фамилии двоих — Жуков и Попов. Переписчик задавал вопросы и заполнял листки. Переписчик четверых не заметил у меня много времени, затем подошли двое из тамбура, их заменили переписчиками много. Когда я направилась к следующему купе, один из товарищей остановил меня.

— Девочка, дай мне два листка, я тебе их сейчас возвращу.

Я уже понимала, что нахожусь не в обычном вагоне, и не протестовала против нарушения инструкции — записывать должен был четкий.

Вскоре этот товарищ вернулся с последним купе. Я решила проверить, правильно ли заполнены листки, и остановилась. На одном из стола фамилии Ульянов. Сомнения не могло быть. Имя Владимира, отчество — Ильич. Где родился? В Симбирске.

— Я никогда не видела Ленина! — воскликнула я. — Нам мне хочется увидеть в Ленинском! Вернувшись мне листки добродушно сказала:

— Ты не долбана никому говорить, что в этом вагоне едет Ленин.

Когда я вышла, все еще не веря своим глазам, что дереву в руках листок Ленина, но мне на него тогда спешила Вера Новикова.

— Все — сказала я ей.

— Так спорю?

— Там всего восемь человек. Но главное не в этом — в вагоне № 2 едет Ленин.

Новикова мне не поверила. Тогда я показала ей опросный листок Ленина, но думая все о том, что меня предупредили никому ничего не рассказывать...

Теперь настал мой черед. Я показал Ефимки Васильеву привезенную из Калининского архива телеграмму от 28 августа 1920 года, отправленную по станции Бугубо, что поезд № 3 там не остановился.

— Мы решили с Верой постоять у вагона, — продолжала она, — может быть, нам повезет. Не помню, сколько мы там простояли, но вот кто-то предположил, стелла были двойные — это я почему-то запомнила, — мне показалось, что я увидела в окне Ленина. Не знаю, был ли это на самом деле Ильич, я в этом не убеждена, но мне всегда хочется верить, что я увидела его так, рассказывая своим детям.

...Еще одна поездка в Калинин к архивным документам.

Казалось, все было просмотрено, проверено, а Мария Ивановна по-прежнему утверждала, что она «на посту» доказательств нет.

— Ищу все-таки одну бумажку.

Вот она. Телеграмма в Тверь из Ржева.

— Переезд населения в город начался 28, полным составом съездило, поезд третий и одиннадцатый Виландская ж. д. описаны. Виландская ж. д.

...Итак, что было 28 августа 1920 года, в субботу, на станции Ржев. В Ленинском, откуда в тот же вечер переезд возвращал в себя не только три августовских дня 1920 года, но и этих двух современников Ленина, о которых я рассказывала сейчас.

Виктория
ТОКАРЕВА

Иронический
расказ

де бы Шлепа ни появлялся, его всегда были за то, что он лез не в свои дела. Шлепа считал, что не свихл дел нет, все дела общие.

Что касается Никитина, его не было никогда, ни мужчины, ни женщины. Главным в жизни Никитина считал личную свободу и ни во что не вмешивался. Шлепа и Никитин были друзьями, соседями и служившими одновременно. Они жили в одном доме и работали на одном предприятии. Это было очень удобно — не дробить души отдельно на соседей, отдельно на друзей и отдельно на сослуживцев, а все сосредоточить на одном человеке. Для Шлепы это было удобно, а для Никитина нет, потому что, когда были Шлепу, он испытывал вострые противоречия. С одной стороны, следовало вмешаться и сохранить принципы, а с другой стороны — не вмешиваться и сохранить лицо от сиников, которых долго потом будут переходить из одного цвета в другой, менять оттенки от фиолетового до нежно-лимонного.

И сегодня, возвращаясь с работы, Никитин снова испытал противоречия. В переулке стоял Шлепа в обществе четырех юных длинноносых хулиганов. Лицо Шлепы было сосредоточенным, а все сосредоточено — бездумными. Они, кажется, закончили устные прения и переходили к следующей части. Никитин хотел высочить из переулка и пойти другой дорогой, но в этот момент его заметил Шлепа и радостно захлопал руками.

У Никитина не было выбора. Он подошел к группе с токсильным кулакством под ложечкой. Гротаус порождает неестественно, а неестественно — высокомерие. Никитин высокомерно оглядел хулиганов, задержавшись глазами на одном из них — в центре до колена и с обрубанным колом. Это был высокий хулиган.

— Можно тебе на минуточку? — потребовал Никитин.

— Почему больше? — неуверенно запротестовал женатый хулиган. — Что здесь, никого больше нет, что ли...

— Отойдем! — приказал Никитин, оборванный неуверенно сообщившим.

Женатый хулиган покаянно плачем и отделился от группы. Они отошли к железным решетчатым воротам. Это был выезд в родильный дом.

— В чем дело? — строго спросил Никитин.

— Он к нашей бабе приставал, — объяснил хулиган.

Никитин огляделся по сторонам и увидел неподалеку девочку. Ей было лет шестнадцать, она стояла с папирсоф, зажав ее между пальцами, как флуи.

— Ты старая, — сказала она, подмигиваясь поближе, однако не слишком близко. — У вас один принцип, а у нас другие.

— А какие у вас принципы? — неожиданно заинтересовался Никитин, рассчитывая на интеллектуальный контакт.

— Мир и секс, — сформулировала девочка.

— Он к нашей бабе приставал? — спросил Никитин.

— Ничего особенного, длинный и асимметричный.

— А представляешь, какая у меня будет рожа, если вы его сломаете! Девочка посмотрела на женатого хулигана, хулиган задумался, может, предостерегая себя рожи Никитина со словачными носом.

— Ладно! — вежливою согласился хулиган. — Забирай его и уходи. Под его же он был вяд и ну и Шлепу.

Никитин забрал Шлепу, и они ушли.

— Ну вот, что ты опять вадос? — с раздражением спросил Никитин. Шлепа каждый раз преодолевала сопротивление сразу и надоев Никитину до отвращения. Он с удовольствием был плонул и поменял себе приятеля. Но менять Шлепу — это значило менять и соседа и служивца, в сущности, менять все свои привычки.

— Что ты к ним пристаешь!

— Они не умеют вести себя, — объяснил Шлепа. — Что ж я мимо пройду!

— А твоё какое дело!

— Ты это серьезно говоришь? — удивился Шлепа.

Никитин с удовольствием был плонул на Шлепу прямо сейчас, но плевать в общественном месте было неудобно, и он сказал:

— Эра я тебя отдуе увал.

— Эра! — вдовольно согласился Шлепа. — Я бы им показал.

Никитин возвращаясь домой в шесть часов вечера, а жена в два часа ночи.

— Мы репетировали, — говорила она и уходила в ванную «смыслать глупости».

Жена была странная актриса, жанглер. Подкидывала на воздух пять колес и четыре мячика, а потом ловила их по очереди.

Большого смысла в этой деятельности Никитин не видел, но в жизни и деятельности своей жены не вмешивался из уважения к личной свободе. К собственной личной свободе.

Ее она репетировала и с кем, Никитин не спрашивал, потому что если бы заинтересовался, мог узнать нечто такое, что она скрывала. А если узнать то, что скрывала жена, пришлось бы совершить верную поступок: объясниться, разводится, искать другую жену, потом рассказывать ей все про себя с самого начала. А под конец выяснится, что новая жена с талантами, но надо будет открывать или закрывать. А Никитину ничего не хотелось: ни открывать, ни закрывать. Ему было тридцать два года, и он привык к своим привычкам.

Сегодня Никитин лег спать рано и уже смотрел какой-то интересный сон, когда вернулся жена. Она ничего не сказала, как обычно, даже не разделась, а как была, в пальто и сапогах, с накрашенными глазами, прошла в комнату, села возле Никитина и задрала.

— Потому что, ни опустить, ни опустить, ни опустить свое солонное лицо на лицо Никитина. Это привычка осталась у них с молодости.

— Ну вот? — спросил он.

— Я уронила мячик, — проговорила жена.

Никитин понял, что она плачет не из-за мячика, а по другой причине.

— Могу я уронить мячик? — плакала жена. — Мнею проаю!
 — Не имеешь. Люди платят деньги за то, чтобы ты ловила мячики. А если не умеешь — не выходи на улицу.
 — Но у меня девять предметов.
 — Кого сто?
 Жена перестала плакать, пошла мыть глаза. Она долго ходила по квартире, тукла пятками, потом долго шуршала одеждой, снимая одно и надевая другое. Наконец легла в постель, обжигая Никитину холодными ногам.
 — Голд! — позвала жена.
 — Чего тебе?
 — Ты редкий, замечательный человек...
 Она была благодарна Никитину за то, что не лез в ее жизнь и ни о чем не спрашивал. За то, что ей было бы хорошо вернуться к белой кошке поплакать.

Рабочий день начинался в девять часов, а в половине десятого в кабинет к Никитину пришел Шлепа с очередным предложением.
 — Вот! — долго сказал он и положил на стол эскиз. На эскизе была изображена комната с синими стенами и белыми углами.
 — Что это? — не понял Никитин.
 — Цех, в котором будут делать мясорубки.
 — А почему белые углы?
 — Чтобы в них не плавели и не бросали скурки. Это психологически невозможно — плюнуть в белый угол. Я не прав!
 Никитин подумал, что Шлепа прав: плавять в темный угол психологически легче.
 — Где ты работаешь? — в свою очередь, спросил Никитин.
 — В бюро технической эстетики, — не задумываясь, ответил Шлепа. Он с Никитиным действительно работал в бюро технической эстетики, которое получало заказы от предприятий и выполняло их в срок.

— Какую форму мы должны сейчас разработать? — снова спросил Никитин.
 — Мясорубку, — не задумываясь, ответил Шлепа.
 Бюро действительно получило заказ на разработку формы мясорубки. Срок давно прошел, а формы не было. Директор завода упрекнул заведующего бюро, заведующий бюро кричал на Никитина, Никитин на Шлепана, то есть Шлепана, в свою очередь, никого не упрекнул, потому что в его обязанности входило не руководить, а творчески мыслить.
 Парализация творческих, Шлепа решил, что мясорубка, помимо своей основной задачи — молоть мясо, должна нести дополнительную, смысловую нагрузку, и предложил «одухотворенный» вариант мясорубки: корпус в виде самолета, вперед устанавливался пропеллер. Домохозяйка возле такой мясорубки должна была ощущать себя, как пилот, который отправляется в полет.
 «Одухотворенный» вариант не прошел, потому что на пропеллер накручивалось мясо. Заведующий бюро Саруханин считал, что у мясорубки не должно быть дополнительных сверхзадач, кроме ее основной задачи — перемалывать мясо. Мясорубка должна быть красивой и удобной, а домохозяйка-пилот совершенно ни при чем.
 Шлепа возражал Саруханину, что домохозяйка — человек, а человек — это главный предмет исследования в искусстве.
 — Сегодня Шлепа принес цех с белыми углами.
 — А какое это имеет отношение к мясорубке? — спросил Никитин.
 — Самое прямое. Если люди будут делать мясорубку в помещении с чистыми углами, они совершенно иначе ее сделают. Я не прав!
 Никитин подумал, что Шлепа прав, потому что он сам, например, не мог сосредоточиться, если в кабинете было не убрано. Но поддерживать Шлепу значило идти к началу. А Никитин терпеть не мог ходить к началу: стеснялся своего длинного асимметричного носа и, когда разговаривал, глядел в пол. Саруханин тоже не смотрел на Никитина. Он никогда не стеснялся, просто был бы некогда. Если бы Никитин и Сару-

ханян встретились в нерабочее время где-нибудь в зале Бординской панорамы или в музее восточных культур, они могли бы и не узнать один Другого, потому что никогда толком не видели друг друга в лицо.
 — Или к нему сам со своими углами, — решил Никитин.
 — А ты! — наивно спросил Шлепа, не подозревая о противоречиях.
 — Это же твои углы, а не мои.
 Шлепа взял эскиз и пошел к Саруханину, а Никитин принялся тщательно прибирать свой стол.
 Он успел только сплести в стакан карандаши, когда вернулся Шлепа.
 — Ну? — поинтересовался Никитин, составляя карандаш острым верхом.
 — Выгляди, — коротко сказал Шлепа.
 — Из кабинета или вообще?
 — Из кабинета и вообще.

В воскресенье Никитин взял дочь Наташу, которая жила у тещи, и поехал с ней в зоопарк. Они каждое воскресенье проводили вместе и рассказывали друг другу о прошедшей неделе. Никитин сообщал о своих делах, а Наташа о своих, и когда она говорила или задавала вопросы, то забегала вперед и смотрела на Никитина снизу вверх его собственными глазами. У них были совершенно одинаковые глаза — зеленые, в светлых ресницах.
 — Что это у тебя? — спросил Никитин, дотрагиваясь пальцами до ее щеки. Возле уха на щеке была бледная сыпь.
 — Диатез, — объяснила Наташа. — Меня бабушка яичами перекарилывает.

— А ты не ешь.
 — Из яйца целый ципленок получается с клювом и перьями, значит, в нем много витаминов. А витамины необходимы растущему организму.
 Никитин слушал Наташу и думал о том, что, видимо, постарел. Вот весна, вот солнце, вот дикие звери — все это должно восприниматься, как чудо. А он воспринимал иначе: ну весна, ну солнце, ну дикие звери. Ну и что!

— А это что! — спросила Наташа, глядя на Никитина снизу вверх.
 — Гималайский медведь.
 — А откуда ты знаешь, что он гималайский?
 — Написано.
 — А ты мог бы его погладить?
 — Зачем!

— Ни за чем. Просто так.
 Никитин подумал: а мог бы он действительно ни за чем, просто так войти в клетку и погладить гималайского медведя. С одной стороны — это поступок совершенно бессмысленный, а с другой стороны — в нем вызов всем человеческим привычкам. Никитин мог бы вернуться домой и сказать жене: ты там с какими-то ничтожеством репетировал, а я действительно настоящий мужик, гималайского медведя погладил. Мог бы прийти домой хрипящим — не высокомерно, как раньше, а спокойно. Пройти — и все.

— Трус! — крикнул вагонщику Шлепа.
 — Можешь думать, что хочешь, — ответил Никитин. И ему действительно будет безразлично, что подумают о нем друзья, соседи и служушники, потому что сам Никитин будет знать себе истинную цену.
 Медведь лежал на полу, безразличный, положив, как собака, морду на лапы, и, по своей вероятности, скучая. Никитин подумал, что здесь, в клетке, медведь утратил свою медвежью индивидуальность, и ему все безразлично, даже собственные привычки.
 — Можешь? — дотривалась Наташа.
 — Сейчас, — сказал Никитин. — Подожди меня здесь, я быстро поглажу и вернусь.

Клетка оказалась незапертой, а просто задвижкой на тяжелой железную щеколду. Когда Никитин отдавную щеколду и вошел, медведь не обернулся и, казалось, не обратил на это никакого внимания.
 Шерсть у медведя была черная, сплывшая, возле брюха висела сосульками. Никитин с отвращением дотривал до высокой медвежьей холки и заторопился обратно. Медведь быстро поднялся с пола, обогнул Никитина и лег возле двери. Никитин, в свою очередь, хотел обогнуть медведя, но тот встал мордой посмортрел на него мелкими, замороченными глазами. Медведь не утратил свою медвежью индивидуальность. Никитин понял это, во рту у него сделалось сухо, а пульс застучал в висках с такой силой, что казалось, будто уродовал лицо.

— Наташа! — позвал Никитин.
 Дочь радостно побежала к клетке.
 — Поди позови кого-нибудь. Я не могу выйти.
 — Тебе уже надоело! — разочарованно спросила Наташа.

— Позови...
 Наташа убежала и через несколько минут вернулась и привела сторожа зоопарка в ватнике и в плоской кепке.

— Никитин, — представился Никитин и протянул сквозь прутья руку с вытянутыми пальцами.
 — Пальчик, что ли? — брезгливо поинтересовался сторож.
 — Нет.
 — Поеспорит!
 — Нет, не спорил.
 — А зачем явился?
 — Просто так.
 — Вот и сиди теперь. Гималайский медведь никого не выпускает.
 — Почему?
 — У него такая манера.
 Сторож имел дело с хищниками и знал манеру каждого. Не vermek ему не имело никакого смысла.
 — Что же ты теперь делаешь? — упавшим голосом спросил Никитин.
 — Убить.
 — Кого? — испугался Никитин.

— Это уж я не знаю. Медведь уникальный, а таких, как ты, полный зоопарк.

Сторож не учитывал ни конкретного состояния Никитина, ни его принципов свободы личности.

— Позовите кого-нибудь из начальства, — попросил Никитин.

— Завеч! — Сторож не любил ходить по начальству.

— Посовещайтесь, — сказал Никитин.

— А что начальство? Оно вместо тебя в клетку не поведет. Ты теперь с медведем совьешься.

Сторож повернулся и зашагал от клетки. В его обязанности входило кормить зверей, следить, чтобы люди не сошли в клетки острые предметы, а решать подобные конфликты в его обязанности не входило. Это было не его дело, а сторож не в свои дела не вмешивался.

Перед клеткой тем временем собрался толпа.

В центре стояла Наташа и дала интервалю. Она объясняла, что медведь гималайский, а человек — ее папа. Папа у нее — художник, мама — жоуглер, а сама она живет у бабушки и учится в первом классе.

— Наташа! — окликнул Никитин. — Иди домой.

— А можно я еще здесь побуду? — Она, как и мать, любила утех и внимание к себе зрителей.

— Хватит! — зыряты Никитин. — Иди домой.

— Ну куда! К маме или к бабушке пошла.

Никитин подумал, что жены дома нет, и сказал:

— Иди к бабушке.

Вечером пришел сторож и проткнул медведю плоский ящик с сыром обрызганным яском. Потом достал из кармана табличку и повесил ее на клетку.

— Что это? — спросил Никитин.

— Твоя даинья.

— Завеч! — смутился Никитин.

— Завтра посетитель повалит, интересоваться нечет.

— А что вы написали?

— А тебе не все равно?

Никитину было далеко не безразлично, что о нем пишут, но он не решился пререкаться со сторожем.

— Трудно работать с хищниками! — заносчиво спросил Никитин, чтобы задержать сторожа вопросом. Он болтос оставался один.

— Если обратилась по-человечески, то нетрудно, — ответил сторож.

— А если не по-человечески? — Никитин уточнял свои перспективы.

— Сорвет.

— А меня медведь не сорвет?

— Не должен. Он сытый.

Сторож ушел. Никитин и гималайский медведь остались вдвоем. Медведь лежал, по-прежнему утроня морду на лапы, и казался, не замечал Никитина.

Никитин подошел полу тыкаясь клоши сена, являлся крутой бублик. Никитин хотел есть, но боялся пошевелиться. Он сидел у перегородки от холода и от неопределенности своего положения: с одной стороны, медведь действительно уникальный, а таких, как Никитин, действительно полный зоопарк. Медведь имеет познавательное значение, а Никитин никакого значения не имеет. Он руководит Шпелю, а это занятие бесполое, потому что Шпеля нейтральна. Что касается жены, то жена его отсутствует не заметит. Так что получалось: заменить Никитина легко, а заменить медведя сложно.

Никитин незамедлительно и продолжал мерзнуть во сне, а потом еле стало вдруг тепло и даже душно. Проснувшись, он увидел, что лежит посреди клетки, прижавшись к гималайскому медведю. Должно быть, перебрался к нему ночью от страха и от холода.

Первым посетителем зоопарка была жена Никитина. Она являлась долго до открытия, перелезла через ограду и теперь бегала от одной клетки к другой, рассматривая мужа.

Никитин увидел ее раньше, чем она его, и отметил, что незамужний образ жизни навел на нее свой отпечаток. Жена miała совершенно незабываемый, девичий вид.

Она подбежала к клетке и придвинула лицо к прутьям. Глаза у нее были яркие, а губы бледные — она их не красила. Губы были бледные, большие и нежные. Никитин с удивлением смотрел на лицо жены и находил в нем черты дочери.

— Господи! — оторопело проговорила жена, оглядывая клетку. — Никаких удобств!

— Смотря что принимать за удобства! — неопределенно сказал Никитин.

— Идем домой? Что бы ни было, ты должен почивать дома.

— А тебе не все равно, где я буду ночевать? По-моему, для тебя это самый удобный вариант.

— Хочешь, я року второго ребенка, заберу Наташу от матери и пойду работать в ясли? Я буду зарабатывать на хлеб, присматривать за детьми, и мы начнем новую жизнь!

Жена заплакала, прикоснувшись губу, нестерпиво глядя на Никитина.

— Я не знала, что ты переживаешь. Я думала, тебе все равно. А раз ты протестуешь, значит, ты меня любишь. Значит, все можно поправить... Почему ты молчишь?

— А что я должен говорить? У меня ведь нет репутации. Я не жоуглер.

— Ты должен мне понять: мне хотелось внимания, поклонения. Жизнь уходит.

— У тебя было достаточно внимания — каждый вечер зрительный зал.

— А мне не нужен зал. Мне нужен один человек, который мог бы

умереть за меня. Я не думала, что ты можешь умереть за меня. А больше мне ничего не надо. Я все брошу, и мы начнем новую жизнь.

— Тебя я если не возьму.

— Почему? — растерялся жен.

— Потому что ты окончила цирковое училище, а не дошкольно-педагогическое. У тебя другая специальность.

— Что это за специальность? — пренебрежительно сказала жена. — Подкидывать ящики на воздух, а потом ловить обратно. Какой смысл!

— Федий вид работы...

— А какой в нем смысл!

Никитин с удивлением отметил, что у жены свои соображения.

— Ну... в какой смысл в альпинизме? Люди сначала лезут на гору, а потом спускаются обратно.

— Несмысленный смысл, — сказала жена. — Искусственная цель и искусственные трудности. Мне уже надоело все искусственное. Я устала. Я не хочу больше житьрваться, я хочу жить.

Жена снова заплакала.

Гималайский медведь, приподняв морду и внимательно посмотрел на Никитина, на жену, потом снова на Никитина. Никитин отчего-то смутился и сказал жене:

— Ну давай, ты иди...

— Я первая пойду! — согласился жен. — Я куплю проигрыватель с пластинками, и у нас будет полный дом музыки.

Она пошла от клетки — сначала медленно, потом быстрее. Жена бегала, ступая руки в карманы, перебирая длинными, тонкатыми ногами в больших чулках, и подвала на свое настроение. Никитин, иди вместе ходили воруток клубники, и из рассказа получалось, что Никитин еще в те времена был смелый и необыкновенный человек.

Он слушал и думал: для того, чтобы обратиться на себя внимание, надо либо умереть, либо забраться в клетку с гималайским медведем. Тогда у твоих современных просыпается комплекс вины, они бросают свои текущие дела и собираются к твою грубу или в клетке и говорят нужные слова, которые тебе больше не нужны. В том случае, если ты умер. Хорошо бы каждому человеку правая от времени устроить прожитую паннику, но дожидаться его смерти или юбилея.

Никитин сначала выходил к людям, принимал их внимание скромно, но с достоинством. Потом ему надоело их внимание и собственное достоинство. Он вынырнул из воды, как от неминуемого.

Никитин забился за медведя, прислонился к медведьему боку и, чтобы скоротать время, стал решать в уме форму мусорбу.

Поразительно, как переменялась жизнь за последние время. Переменялось, кроме мусорбу. Она оставалась такой же, как была — громоздкая, неудобная, с массой деталей. Динозавр, а не мусорбука.

Никитин сидел, вытнувшись ногой, прикрыв глаза, и ему представлялся дом, полный музыки, с необычной мусорбукой на кухне — электрической, пластмассовой, голубой в красный горох.

В обещанный перерыв в зоопарк приехал Сарухан. Он пробился к самой клетке, но Никитина не увидел.

— Борис Николаевич! — громко окликнул Сарухан.

Никитин выгнула из-за медведьего хребта и, узнав своего начальника, подошел к прутьям.

Они стояли по обе стороны решетки и с интересом разгадывали друг друга. Сарухан заметил, что глаза у Никитина зеленые, в светлых ресницах, а нос длинный и асимметричный. А Никитин обратил внимание на то, что Сарухан ступил, с большой каудатной головкой, но только неуловимо напоминающий гималайского медведя.

— Пожалуйста! — сказал Сарухан, — я могу восстановить Шпеланова, если для вас так принципиально. Но ведь вы могли прийти ко мне в кабинет и сказать об этом. Зачем же лезть в клетку?

Никитин промолчал.

— Я не спорю, — продолжал Сарухан, — Шпеланов — способный художник, интересно мыслит. Но то, что он предлагает, невозможно применить.

Никитин снова промолчал.

— Вы не согласны? — забеспокоился Сарухан.

— Нет, — сказал Никитин, — я не согласен.

Сарухан закурил, глядя куда-то за плечо Никитина, потом вдруг очулся у головы медведя.

— Фу! Какой противный! — негромко искренно поделился Сарухан.

— Почему противный? — заступился Никитин. — Обыкновенный гималайский медведь.

Подосел сторож и отогнал Сарухана от клетки.

— Близко подходить не разрешается, — строго предупредили. Он потом повернулся к Никитину и кричал: — А ты тут своих порядков не заводил! Сарухану задушили сторожа и ушел, оставив Никитину поведать: армянский коньяк и кулек конфет «Памир». Конфеты Никитин отдал медведю, а коньяк оставил себе.

Он являлся половому бутылки, положил голову на колени и заерыл глаза. А когда открыл, стояла ночь.

Стояла ночь. Зверь спал и бредил во сне. Где-то далеко глалал маленький лисенок. В небе висел крепкий молодой месяц. Сосны воле

площадки молодявка стояли черные, тяжелые, и казалось, будто они написаны мелом.

Никитин смотрел перед собой и удивлялся: как это красиво — ночь! Обычно он спит в это время суток и ничего не видит. Надо было оказаться в клетке с гималайским медведем, чтобы понять ночь, увидеть Сарухаяна, посмотреть, как бегают жена, вспомнить, как воровал в детстве клубнику.

За спиной подергали дверь. Никитин обернулся и увидел двоих людей: одного побольше, другого поменьше.

Никитин подошел к двери и узнал Шлепу, возле него стояла подружка женатого хулигана.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась она, узнав Никитина.
— Извините, я вас не приглашало, — сказал Никитин.
— Ничего, — разрешила девочка.
— Мы пришли тебя сменить, — сказал Шлепа.
— Не надо.
— Почему?

— Таких, как ты, больше нет. А таких, как я, — полный зоопарк. Девочка с восхищением посмотрела на Шлепу. Она тоже предчувствовала, что таких больше нет, и Никитин подтвердил ее предчувствия.

— Зачем ты сюда залез? — спросил Шлепа.
— Так, — сказал Никитин.

— Но какая-то сверхзадача у тебя была?
— Была. Поглядеть гималайского медведя.
— И все?
— Все.
— Эгоизм, — сказал Шлепа.
— Почему! — не понял Никитин.

— Ты залез в клетку вместо того, чтобы выполнять свои обязанности. О каких обязанностях ты говоришь?

— Об обязанности каждого человека перед другими людьми.
— Но почему эгоизм? Я залез в клетку — кому от этого плохо?

— А кому от этого хорошо? Это никому не надо — ни тебе, ни другим.
— Медведю, — сказал Никитин. — Ему со мной веселее.

— А перед медведем у тебя нет обязательств. Его интересы можно не учитывать.

Медведь приподнял морду и глухо заворчал.
— Ой! — сказала девочка.
— Мы идите, — предложил Никитин.

— Мы тебя рядом покараулим, — пообещал Шлепа.

Они отошли к площадке молодявка, сели на качалку и стали качаться.

— А я музыкальную мясорубку придумал! — крикнул Шлепа. — По принципу шарманки: можно будет крутить ручку и слушать музыку.

Никитин вернулся на место, в угол, и стал думать о своих обязанностях перед другими людьми. У каждого человека есть несколько кругов обязанностей — малых и больших, главных и второстепенных. Жена у Никитина в дилете, дочь в дилете, значит, он не выполняет своих прямых и конкретных обязанностей перед самыми близкими людьми. Другие, знакомые люди пользуются мясорубками-динозаврами — значит, Никитин не выполняет и эти обязанности перед более широким кругом людей. А еще существуют обязательства, которые человек принимает с рождения, потому что он родился человеком, а не гималайским медведем, например.

Конечно, гималайский медведь имеет познавательное значение, но эту роль может выполнять любой другой гималайский медведь. Не это — так следующий. А обязанности Никитина может выполнить только он один. Так что получается: заменить медведя легко, а заменить Никитина невозможно.

— Медведь, — тихо позвал Никитин. — Отпусти меня...

Он подошел к гималайскому медведю, присел возле него на корточки и стал гладить его по холке, по длинной черной морде. Медведь медленно мигал, голова у него была большая и теплая.

— Я понимаю, тебе скучно будет, — тихо говорил Никитин, преодолевая пальцами жесткую, дрямную шерсть, — но я завтра к тебе обязательно приду. А в воскресенье мы все вместе придем. Вот посмотришь...

Никитин подошел к двери и, пропуская руку сквозь прутья, отодвинул щеколду.

Он вышел и задвинул щеколду обратно, чтобы не волновать сторожа, который спал где-то, подчиняясь привычкам своим, а не обязанностям.

Шлепа и девочка медленно качались, безвольно свесив руки. Осыпанные лунным светом, они были черные и четкие, как на эстампе.

Влюбленность — это потеря реальности. Шлепа и девочка смотрели куда-то в вечность, слушая новое свое состояние. Никитина они не увидели, потому что он был в реальности; а они — нет.

Никитин постоял возле них и медленно пошел в выгородку. Потом, сплотившись, вернулся обратно к клетке, снял табличку со своими данными.

Интересно было почитать на досуге, что написал о нем сторож зоопарка.

Несколько недель назад в ЦК комсомола состоялись сердечные проводы ледовичиков-полярников — участников дрейфа первой комсомольско-молодежной станции «СП-19». Они улетели по льду с вымпелом ЦК ВЛКСМ. Желая молодым исследователям Арктики плодотворной работы, «Смена» печатает фоторассказ об их предшествующих на станции «Северный полюс-16», завершивших зимовку в Ледовитом океане прошлой весной.

Юрий КОНСТАНТИНОВ,
начальник дрейфующей станции «СП-16»
(апрель 1968 — апрель 1969 гг.)
Александр НАГРАЛЬЯН (фото)

Ледовая дорога.

11 АПРЕЛЯ 1968 ГОДА.

З часа ночи. Над головой белое полотно палатки. Скупой свет из милливатинатора, два трехпятих голубых свечника над горелками газового таганца, три раскладушки, вместо стола ящики из-под макарон. Под брезентовым полом трехметровый лед, надменный, многолетний. Вот мы и на льдине.

Северная часть Чукотского моря. Здесь начало нашего дрейфа. Заключен первый этап в организации станции — этап подготовки, сборов. Подготовка и дрейфу началась в январе 1967 года. Сначала все шло по плану: в отдален Арктического и Антарктического института разработали программы научных наблюдений, поробрили штаты. Получили и управили приборы, снаряжение. Отправили грузы морем на исходную базу на Чукотку. Предусмотрено было все, даже отпечатаны специальные почтовые конверты с силуэтом ледника. Однако на этот раз станция не была организована. Мощные многолетние льды блокировали про-

АРКТИ

дми Величинском. Руководство арктической эвакуации направило все ледоходы восточного района на помощь караванам транспортных судов. Ледоходы возвратились лишь в конце октября, в Чукотском море началось ледообразование, крепчал мороз, наступала полярная ночь — высадку станции отменили.

В марте 1968 года мы снова вернулись на север. С самолета осмотрели район высадки, подобрали лыжину, провели пробную посадку.

На раскочуемых, забравшись в спальные мешки, лежат метеоролог станции Владимир Усов и режиссер студии документальных фильмов Лев Горин. Пора спать, через несколько часов изменится восточный фронт. Три «ИЛ-14» и один «ИМ-3» загружаются на береговой базе.

14 АПРЕЛЯ

26 градусов мороза, ясно, слабая полярная. Прошло трие суток. На льду 40 тонн груза. Работок с аэродромом собрано 4 домини, население увеличи-

лось. Прилетели механики — два Анатолия, Бывов и Кудрявцев, инжениератор Алексей Дубровский, астроном Евгений Борисов, радиолог Владимир Константинович Грачев, радисты Аскольд Шилов и Романов Минин. В лагере оккупированы все помещения. Прибыла бригада строителей, одна бригада продолжает собирать домини, вторая разгуживает самолеты на сторону, колесных отвозит грузы на полярный лед. Между доминками уже лыжные, пешеходные беговые тропы. Грузы в домини — груза вывозят. За один рейс «ИЛ-14» доставляет почти две тонны груза.

16 АПРЕЛЯ

Вчера со старшиной специалистами групп высадки для постоянного лагеря станции. Обследовали район в центре льдины — это в полтора километра от аэродрома. Место хорошее. Для высадки лыжи, рядом ровная площадка, можно устроить для размещения. Лед в бургах пресный, годен для воды.

хольма ручным восьмиเมตรовым буром не могли добуриться до воды, на ровном участке топчица выдала из строя. Такой монолит выдернули ледовые сметаны.

Сегодня с утра пробивали лагу. Первый рейс транспортов с полутонами сырья занял 6 часов. Повторно лыжные и пешеходные тропы. Часть груза провалялась в снег, приходится откапывать, отцеплять сани. Первый рейс всегда самый трудный. Накануне вечером, снег уплотнился, и все пойдет нам надо.

18 АПРЕЛЯ

Заметно прибавляется день, ночь тем — сумерки. Перевозено 55 тонн — ровно половина. От самолета трактор совершил рейс в постоянный лагерь. Строительная бригада собирает на двух доминках магнитолы, домини поставлены. Получилось просторное помещение.

20 АПРЕЛЯ

Обиваем новое место. Прошло 10 дней, пора приступать к наблюдению. От общелагерных работ освобождены радиостанция и метеоролог, их глубже домини испугали в строя нарымы. Завоз льдоходов и моторов. Работают три самолета, сажают на льдину с интервалом в 30 минут. Пока самолеты возвращаются на базу, загуживают и летят обратно, следующая бригада успевает перебраться на лагерь и помочь ребятам, занятым на строительстве и оборудовании павильона.

Все аэродром, чувствуем себя отлично.

20 АПРЕЛЯ

Завтра полетов не будет. Практически завоз закончен. Все домини собраны, построены дзенькала, заканчивается сборка передвижного павильона для магнитных наблюдений, (газогенераторы и пускового павильона аэродромов. Уголь, спирт и газ распродирочены в три склада, сани убиты брикетами. После обеда до уюна бани, первая баня на льдине.

1 МАЯ

Сегодня для нас двойной праздник: день 1 Мая и день открытия нового, шестнадцатого по счету, дрейфующего станции «Северный полюс». На домини флаг, в центре лагеря трибуна из снега, над трибуной воздана драхостелла. Вечером — день рождения «СП-16». Короткий митинг. Под флагами караваном и ракетными двигателями метеоролог Федор Петрович Зайн и самый молодой участник дрейфа аэродром Валентин Федоров поднимают на высоту 1000 метров государственного флага нашей Родины. Станция открыта. Ушли в лагерь первая саника потком, записаны в журнал. Все наблюдений первые километры цифр. Начался новый этап, основную часть в жизни станции — исследование атмосферы, льда и вод океана.

2 МАЯ

Аэродром раскопало. Четырехметровая трещина отдалась в сторону лагя от основной льдины, две аэродрома разбиты на куски, к мшаму снега в лагерь первая саника потком, записаны в журнал. Все наблюдений первые километры цифр. Начался новый этап, основную часть в жизни станции — исследование атмосферы, льда и вод океана.

3 МАЯ

Наблюдения ведутся по всем разделам программы. Замечательная работа по благоустройству. В домини, кают-компании, установили динамики, радиоприемники. По трансляции АТС. Исконно новаторы льдоходы срочной сообщением, объявить адрес. Механики и астрономы находят для дальнейшей работы ступи рабочего дня дзенькала действует исключительно все в порядке.

Современные исследования ионосферы, метеорологические, зондирование атмосферы осуществляются с помощью различных автоматических и полуавтоматических приборов и самовисов. Для их работы нужна стабильная по частоте и напряжению электроэнергия. Остановился дизель — закончился самовисов пропуски на электродвигатели. Заменили ступи на дизельном для подзарядки аккумуляторов, гидроагрегат — для льдоход. Гидромеханику — автоматизированной системы измерения. Толковый, опытный механик — залог успешной работы в условиях полярного лагеря. Механики не новичок в Арктике. За его плечами — зимовки на островах Арктики. В Арктике механики монтируют водопровод на льдоход. Кают-компании, баню и санузлы оборудуют с помощью различных видов дизелей. В помещениях тепло, сухо и чисто.

Но, и конечно, тепла от дизеля не хватает для мытья домини. Приходится топить печьи керосином и мытьи организм — глантеиру-

24 ИЮНЯ

Температура воздуха около нуля, летит морозный снег. На последнем домини рабам наготовили ступи, на последнем домини рабам наготовили ступи. В лагере образуются сантиметры, льда с домини дзенькала прибывает до наблюдений. Прифле за сутки становится до трех сантиметров снега. Пробуем сделать полярную станцию. В лагере из смесинки, м., зашувает потом. При теплой погоде выпеченный и замороженный материал хлеб начал рясневать, оттаивают мясо и полуфабрикаты. На северном силоне ледяного бурга вырубив чиншу, выключили с двумя электромоторами. В этот склад-холодильник сложили мясные продукты на июль август и сентябрь.

Под нами океанские воды различного происхождения. Тут и Атлантический, и вода Гибралтского пролива, и собственные Северного Ледовитого, между ними различные прослои. По температуре, химическому составу и мшаму организм — глантеиру — воды резко отличаются друг от друга.

8 АВГУСТА

С поверхностью льдымы стало полтора метра льда. Доминки и постройки оказались на высоких льдах. Доминки и постройки оказались на высоких льдах. Доминки и постройки оказались на высоких льдах. Доминки и постройки оказались на высоких льдах. Доминки и постройки оказались на высоких льдах.

5 СЕНТЯБРЯ

Небесно шумно на льдине. Уходят взрывы. С утра до позднего вечера урчит трактор, сгребая в смесинку снег, взрывающий иуда, сметаясь удары икрыми. Строительство аэродрома началось. Работают в две смены по 4 часа навалду. Ступи успешно работают в лагере, аэродром оборудован, а научные наблюдения нужно проводить в полном объеме.

27 СЕНТЯБРЯ

Сегодня работала только первая смена, устроили небольшой отлив. Заводем отмечая день рождения самого старшего полярника в лагере — Ловача Виктора Михайловича Евграфова. В сентябре еще три дня рождения. Нам прилетел на станцию, отмечая день рождения, инжениератор Константин Константинович Грачев, инжениератор Константин Константинович Грачев, инжениератор Константин Константинович Грачев, инжениератор Константин Константинович Грачев.

8 ОКТОБРА

Каждый ступи. Самая трудная часть строительства закончена. Осталась убитка натком и заливка. Приятно посмотреть на дело рук своих. Увеличилась площадь льда, сметаясь удары. Мы вернулись, что смогли осинить там обьем. Помогает льдоходы, которые работают на ступи. Вода залепляет пуготу между кусками льда, залепляет лед. Мороз сметает сани, лед замерзает, маневрово сметает раздробленные куски, получается ровная прочная поверхность. На такой аэродром можно уверенно принимать ступи самолета. По радио передали Сообщение об организации в Чукотском море дрейфующей станции Северный полюс-16.

10 ОКТОБРА

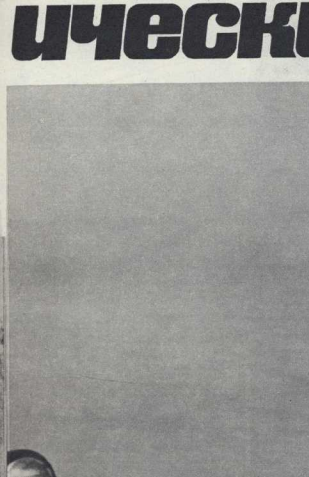
Приехали первый самолет. Привезли почту, свежую картошку, хлеб и мясо.

16 ОКТОБРА

Завоз продолжался. Киногруппа закончила съемки. Горин и Дубровский улетели в Ленинград, интересно, какой фильм получится. Отправили в Арктическую Академию наук материалы для наблюдений за первую половину дрейфа.

21 ОКТОБРА

Дрейф переходит в восточный полурлири. Медленно, оповая лед, дрейфует на восток. Воды льдины продвигаются на север-запад. Солнц нет. С каждым днем туснеет ледя лапоса зары. Заоз

В любую погоду идет здесь кропотливая нелегкая работа: научные опыты, исследования, наблюдения. И наступает праздник, когда прилетает самолет с Большой земли.

Фильм об Арктике собрал всех обитателей льдины.

завершен. Станция подготовлена к дрейфу в полярную ночь. Закончились авральные работы.

27 НОЯБРЯ.

Оназывается, подо льдом есть рыба. Костя Грачев в гидрологической лунке заметил стаю рыб. Стал ловить, урбешин с ходу хватают прикормку. У лунки ступились рыболовы. За два часа на самодеятельные крючки из манчжурских сиренев и голавлей выловили 450 штук.

9 ДЕКАБРЯ.

Погода плохая. Каждый день ветер, метели. В сильный ветер слоню выслать радиозонд. При слабом ветре или штилевой погоде выслухи не представляет трудностей. Наполнил оболочку водородом, прикрепил и ней бечавовой зонд. Остается раздвинуть штору павильона, осторожно вынести шар на улицу и отпустить. Оболочка с зондом поднимется вертикально вверх. Иное дело — выпуск зонда при ветре. Порывы ветра вырывают оболочку из рук, приваивают и льдине, заставляют оболочку не выдерживают, летается, или зонд ветром ударит о лед. Приходится начинать все сначала.

12 ДЕКАБРЯ.

На небе полая луна. При луне по льдине можно ходить без фонарика. С Виктором Рачиным обошли льдину. Пока все спокойно, трещин нет. С северной стороны слышен шум торшешин. Торшешин нам не страшно, льдина прочная — выдержит. Опасность представляют разломы. Визуально, без шума проходит трещина, за ней вторая. Трещины быстро расширяются. Причины образования разломов пока не ясны. Вероятней всего, разломы вызываются приливными волнами океана.

27 ДЕКАБРЯ.

Слабая поезда, ветер 8 метров. Сегодня явился непрошенный гость в центр лагеря и уютно-комфортно пришел медведь. Визит неординарный. Больше двух месяцев не посещали нас медведи. Нужно быть внимательным, на улице темно, зверь к это время голоден, зол. Через несколько часов после первого визита Владимир Осинников в тумане желтого дождя поймал пса.

1 ЯНВАРИ 1969 ГОДА.

Новый год встретили весело. В уютно-комфортно явил, герланды лампочек. Пели, танцевали. Прешедший год для нас был удачным. Станция работает, программы наблюдений выполнены полностью, все здорово. 10 раз в сутки в зенит уходит сводки погоды и результаты зондирования атмосферы. Первый самолесец вычерчивает непрерывные кривые. На лентах фиксируются составляющие радиационного баланса, космические шумы, изменения, происходящие в магнитном поле Земли. Три раза в месяц через воющую толщу гидрологи протравливают сетки, выявляют океанские обитателей. Температура льда, температура воды, солёность, содержание кислорода, фторидов, крахмала на различных горизонтах океана, направление и скорости морских течений — все находится под

пристальным вниманием наблюдателей. Слоню процессы в природе, чтобы их познать, необходимо большой материал наблюдений. С каждым днем накапливаются данные, растут стопки записанных журналов, руково, пленки самописцев.

13 ФЕВРАЛЯ.

Нанонеч-то кончается полярная ночь. Видны грома торосов на краях льдины.

26 ФЕВРАЛЯ.

Самолет ледовой разведки сбросил почту. Начинает работу высокоширотная воздушная экспедиция «Север-21». Смена нашей станции запланирована на конец марта — начало апреля. До конца дрейфа остается немногим больше месяца.

7 МАРТА.

Снова аэродром. Теперь намного легче. Нужно расчистить полосу от снега, наметанного за зиму. Работают только механики. Сначала бульдозером разбивают твердые снежные перегородки, затем гусеничной разравнивателем и укатывают катком. Расчистка продвигается довольно быстро, за день проходит по 150 метров. Работа проверяют материалы наблюдений, ремонтируют приборы — готовятся и передаче станции.

18 МАРТА.

Весь день свирепствует пурга. Визуально в двух шагах ничего не видно. Напоследок природа решила показать силу. Поплатился за свою небрежность. Вечер откопали палатку, подготовили ее для работы экспедиционного отряда новой смены. Оборудование закрепили брезентом, а палатку не закрепили. Начался подыхать ветер, палатку потащило в лагерь, и сильный порыв ветра збросил ее на дивальчик. Пришлось ремонтировать потугнутый каркас, засыпать порванный брезент. Ни на минуту нельзя отходить внимания. Аритмия не любит разгильяйства.

20 МАРТА.

Пурга утихла. Окончен самолет.

9 АПРЕЛЯ.

«ИЛ-14» легко набирает высоту. Прощальный криг. Вилу мелькает домини, палатки, тонкие иглы мачт, крытые фанеры на аэродроме. Прощай, шестнадцатая, счастливого продолжения дрейфа, интересных исследований!

Когда я нажал кнопку звонка, раздался лай собаки, и потом уже я услышал густой, красивый бас Громова:

— Томми, замолчи!

Собака затихла, послышался звук открываемой замка, и я увидел легендарного Громова — человека, который парами средь советских летчиков получил высшую награду ОАИ — медаль «Лаво, одним из первых в нашей стране удостоился звания Героя Советского Союза, был первым и самым любимым штурманом прославленного ЦАГИ, участвовал во многих героических перелетах советских летчиков, принос Родине рекорты и славу.

В свои семидесят лет Михаил Михайлович ничего почти не утратил: тот высокий, сильный, с безукоризненной выправкой, звездой Героя на широкой груди и внимательным взглядом синих глаз комбрига, пожилого на коротко, мог бы стать чуть ли не все мальчишки нашей страны. Он так же податливо гладко выбрит, его голос по-прежнему силен и звучен, а грудь широка.

В кабинете Громова меня ждал первый соратник. Кабинет Громова не так, как его можно было бы себе представить. Книжки моделей самолетов в памятных фотографий героической жизни выдающиеся летчика. В углу — тяжелый рваный стол со старинным, интарный отдалки письменным прибором, фотографий Н. Е. Жуковского под стеклом и множество книг на книжных полках. В общем, обстановка ученого, члена летчика.

И вещи на обоях. Я особенно раз убедился в том, что окружение человека является как отдаленной моделью его внутреннего мира.

Впрочем, не будем торопиться. Разговор только начинается, и у читателя будет возможность все необходимые выводы сделать самому.

— Скажите, Михаил Михайлович, — начал я, когда мы расположились у маленького столика под торшером, — что главное должен воспитать в себе летчик-испытатель?

— Теоретическое мышление, — не задумываясь, ответил Громов. — Конечно, испытатель должен быть и виртуозным летчиком, и прекрасно разбираться в теоретических вопросах, и хорошо владеть техникой. Но главное — теоретическое мышление.

— Как вы это понимаете?

— Прежде всего как таковой ход мыслей, который приводит к творчеству.

— Отличается ли чем-то мышление летчика, скажем, от мышления ученого?

— Безусловно. Своей предметностью. Хотя энциклопедии и газетчики, что ученые не мыслят формулами, но представить себе очень точно все эволюции, которые могут произойти с самолетом, в силах только настоящие испытатели. Забаврихия ли мотор, неправильно легким или трудным стало управление, изменилась ли скорость сгорания горючего — за все эти летчик должен отчетливо видеть те физические процессы, которые вызывают эти эффекты, и знать, как при этом правильно поступить.

— Очевидно, только такое мышление и может обеспечить надежность полета?

— Думаю, что так.

— Скажите, Михаил Михайлович, а насколько сегодня, в эру самолетов-автоматов, надежность зависит от испытателя?

— Не меньше, чем раньше. Вы скажете, что сегодня человеку помогают совершенные приборы. Но и самолеты стали несравненно сложнее. Конечно, приборы — камеры, спутники, освобождают летчика-испытателя от черновой работы: сообщают информацию о работе систем в наиболее компактном виде и автоматически записывают ее. Раньше, например, о работе мотора мы судили по звуку, которое он издавал, а запись показаний приборов делала карандашом в планшет, что является большой колоссальной. И это на холоде, в очень неудобном положении. Но главное — при этом реакция, определяющая надежность полета, человек так же, как всегда, остается на долю человека. И это почти все, что происходит на земле нельзя.

Должен заметить, что и с вибрацией и с звуковым барьером первым встретился испытатель, а не конструкторы.

— Не техника сегодня лучше подогнана и под человека и под среду, в которой она функционирует?

Кругозор современника

ВЛАСТВОРАТИ

С известным летчиком-испытателем, Героем Советского Союза, профессором Михаилом Михайловичем ГРОМОВЫМ беседует корреспондент «Смены» Владислав Ковалев

13 июля 1937 года.

Копандер самолета «СР-25» Михаила Громова.

Цель полета — через Северный полюс в Америку.

жетса, и стало быть, больше гарантии летчика от случайностей, — это характерно не только и не столько. А раньше было не так. Помню, меня поразила одна запись из дневника-доклада о перелете 1924 года СССР — Монголия — Китай заслуженного летчика СССР А. И. Томашевского. После вылета из Красноярска, взглянув на землю, он вдруг обнаружил, что летит по незнакомому маршруту. Прозвенев, выскочил у местных жителей местонахождение и нашел, что сбился с маршрута на целых 73 километра. И это только потому, что по невнимательности поставил в пилотскую кабину бороды с бензином. Его присутствие влияло на показания компаса.

— Спорю нет, сегодня техника обманет человека от случайностей, — это характерно ему абсолютную надежность. В очень большой степени она по-прежнему зависит от человеческого фактора. Всегда будет зависеть от человека, от человеческого фактора — лишний тому пример. Вымышленная посылка — плата за несоблюдение надежности, а попросту, за ненадежность собственного поведения.

И эти мысли я пришел давно, еще в самом начале своей деятельности. Самолеты тогда были еще очень примитивными. Не прошло недели, чтобы не случалась авария или катастрофа. На говорили о катастрофах, поломках, которые были вполне обычным делом. Добавлять к этому отсутствию пилотов (их еще у нас не делали), и вам станет ясно, что задуматься о надежности полета было очень своевременно. Идея, которую я тогда, оказалась довольно простой: чтобы научиться владеть новейшей техникой, прежде всего нужно научиться хорошо владеть собой. Я начал следовать этой идее и понял, что на правильном пути.

— Значит, такая качества человека, как собранность, организованность, находчивость, вы придаете решающее значение?

— Да. Это ведь не просто внимание. Хотя я допускаю, что иногда внешний лоск не имеет по себе внутренней содержимости, но чаще всего дело обстоит иначе. Как говорил Семенов. Впрочем, его лучше прочесть, чем пересказывать. «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности», — считал Михаил Михайлович, — сводится к одному движению. Светит ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди — внешнему гоним за изгнанию любви и родины, дрожит ли девушка при первой встрече с любимым, создается — везде окончательным фантом является мышечное движение».

Громов прочитал это на едином дыхании, практически не глядя в книгу. Отпустил на спинку стула и начал говорить громко, увлеченно:

— Я не понимаю, почему у нас так небрежно относятся и насладясь Семенов. Их признают его более обстоятельно, например, в средней школе. Это гениальный ученый. И язык его шлово. Посмотрите, как начинается статья «Рефлекс головного мозга», отрывок из которой я только что прочитал: «Вам, конечно, случалось, любезный читатель, присутствовать при споре о сущности души и связи ее с телом...» Прочтя эту статью, любой мало-мальски грамотный человек смеется рад и навсегда уяснить себе о нетленной, крепкой связи души и тела. Смеются понять, что всякое внешнее движение есть следствие мышечного движения, его состояние. А значит, и уяснить себе, что, совершая какое-либо действие, мы совершаем центушам свой внутренний мир.

Умение владеть собой нужно каждому человеку, но особенно испытателю. Именно владеть собой определяет в конечном итоге «надежность» полета.

Нужно подчеркнуть, что умение владеть собой Громов придает глобальный смысл и относится чуть ли не фанатически. Даже знаменитый гагаринский карандаш, который, выпав из руки космонавта, мирно плавал рядом, наряду с восхищением вызвал у Михаила Михайловича вполне закономерный практический вопрос: а как Гагарин вышел из этого критического положения? Нужно было ведь продолжать запись о полете. Одианди, когда вместе с космонавтами Громов был гостем Дома журналистов, то не преминул спросить об этом Германа Титова.

Я не знаю, что ему тогда ответил Титов, но сейчас, разговаривая с Громовым, мне очень захотелось узнать это. Хотя бы частично. И я спросил:

— Есть ли у летчиков какие-то стандартные приемы выхода из критических положений?

— Самое главное, и по существу, единственное — просто вернуться в положение, которое было несложно сплести тому назад. Я, к примеру, всегда там делал, когда начинался вывих. Да и не я один. Одианди только благо-

дари этому приему летчику, которого я инстинктивно узнаю, спускается от планера. Мы оминдали, когда вибрации могут начаться, поэтому перед полетом я всегда стараюсь избежать возможных ситуаций. Предвечуствия не обманули. Вывалка началась в тот самый момент. И тогда я понял начал уже испытывать газ и вывалку. Сделал это очень вовремя. Когда самолет прилетел, я начал думать, что это состояние от отделения сендвич. Самолет был весь в мелких предательских трещинах, которые давали легкого сотрясения. Это не было ни в единственном случае в авиации, когда флаттер начался и развивался, но не закончился.

Громов замолчал, а потом, как бы очнувшись, добавил:

— Кстати сказать, это простое правило часто помогает и в отношении с людьми. Уметь выдержать и не поддаваться в нормальное состояние очень важно.

— Последние слова находят на размышление.

— Какое!

— Возможно, в правильных отношениях с техникой мы познаем не только самих себя.

— Безусловно. Но я могу сказать только о своем отношении к технике. Я знаю, что не могу строить с ней отношения, я знаю, что правильно вести себя и с ней.

— О чем вы думаете, сидя в новой машине, которая вот-вот взлетит!

— Все внимание сосредоточено на том, как поведет себя самолет на разбеге и при отрыве. Мне это инстинктивно можно получить представление о его управлении.

— Расскажите о вашем любимом полете.

— Это не очень просто. Любимые — те, в которых проявилась творчество.

— Тогда об одном из них.

— Это было в тридцатые годы. Наша страна запнула самолет фирмы «Фонер», Летчики начали его пробаовать, и оказалось, что приливает к фирме «Фонер» никто и не мог. Я тогда преподавал в летной школе. Аэродром, на котором проходили испытания, был через забор. На следующий же день я послал в школу самолет, но уже с полным разрешением летать на «Фонере».

Мой расчет был прост. Раз самолет испытан, значит, он должен летать, а не висеть на предзнамен. Кроме того, это был самолет Фонера, который сам был отличнейшим летчиком. Я сел в машину, взлетел и выполнял весь необходимый каскад фигур. Причем на небольшом аэродроме.

Представитель фирмы, который присутствовал на аэродроме, поворачивая ко мне и сказал: «О, поздравляю, это полет мирового класса». Когда пролетел через полосу, он прислал мне телеграмму: «Я вам предсказывал это будущее».

— А казним был ваш самым трудный полет!

— На этот вопрос ответить проще — на первом самостоятельном испытательном полете. Самолет плохо выскочил из шпандера. Нужно было проверить, насколько он вообще.

Происходило это 23 апреля 1927 года на Московском центральном аэродроме. Это было после испытателя Шарарова, который попал в плоский полет и только чудом избежал аварии. На всякий случай на меня надели парашют. Набрала высоту 2 200 метров.

Самолет, наиболее неблагоприятный, как у Шарарова. Сделал все необходимое, чтобы вернуться на маломощном полете. И вот здесь-то пригодились мои успехи в тяжелой атлетике. понадобилось гитгером и напряжением, чтобы оторвать тело от самолета. Как уловившись на земле, прыгал во внутреннюю сторону вращения.

— Каким, это был единственный в истории советской авиации случай, когда летчик во время шпандера выпрыгнул из самолета!

— Да. И первый прыжок с парашютом. До 23 апреля 1927 года летчики парашютом не выполнялись, а ни их просто не было.

Потом Громов рассказывал о своем самом трудном полете, в джерж полете. Гомы. Он конечно, развалился, но костью и теперейно ждала, когда хозяин обратит на него внимание.

— Ах, вы уже закончили, — сказал ласково Михаил Михайлович. — Ну, теперь отдыхай. И не мешайте нам работать.

Собая послушно замолвила в угол, где был расстелен коврик с красной занавеской и улеглась на нем, продолжая следить за нами вынатым взглядом.

— Не помню где, — сказал Громов, комментируя эту сцену, — я прочитал, что единственная возможность приобрести любовь за деньги — это сделать себе.

И это вправду неосвоенное приобретение. Собая любовь меняет и человека. Он становится лучше. Ведь животное в доме не только иржуша, но важный фактор воспитания. Какое с собакой в вашем доме поселится сама природа.

Слушая Михаила Михайловича, вспоминал наш первый разговор еще по телефону. Он начался совсем не в авиации. Я спросил тогда Громова, терпелив ли человек, когда движению по пути технического прогресса.

— Конечно, — ответил он. — Техника отлучает человека от природы. Ведь даже полеты на самолетах сегодня все больше и больше выполняются по плану на посадной лодке — почти никакие зрительных впечатлений. Они приходят к нам задним числом — из кинофильмов. Но это уже эраца. Вывод прост: сегодня нужно особенно ценить наши свидания с природой.

К сожалению, это ясно не для всех. Я, например, не понимаю некоторые наши молодые авторы, которые редкие выходы на природу — Кирилола обманывает человека, лишает его искусственности. Я помню, как даже во время войны вдруг увиделись розовеющие утренние облака, подернутые дымкой дала, и сразу чувствовалась неодолжную силу жизни, какое-то вдохновение.

— Сейчас я думаю о другом: много ли дала техника взамен. Об этом и спросил.

— Так много, — начал Громов, — что все трудно даже перечислить. Ну, например, современные люди, вооруженные техникой, они просто уже не чувствуют. Лишь физическое мышление. Я уже не говорю о том, что благодаря технике родилась профессия архитектора, профессия артиста.

— 1.

— Не вернет! Сейчас я вам докажу. Для этого вернемся немного назад — в сорковые годы. Когда нужно было сделать самолет «ТБ-3». Его отличие было в размерах. Так, кабинка «ТБ-3» находилась на высоте четырех метров. Я сел в нее и сразу почувствовал себя неуверенно. Мы ведь привыкли к высоте в два метра. Я аэродром стал маленьким, а как вот на заборе. Понял, что сделать посадку на этом самолете не смогу, и вылез разстроенный. Но Валл штурвал в руки и потянул его на себя, как это делается при посадке. Нет, опять понял, что не смогу. Только на третий раз я почувствовал себя уверенно.

Так родился метод привыкания к технике, боям, боям, наним бы размеров они им были. Оно мне кажется, средины системы Станиславского была еще лучше. Должен был выработать образ, то летчик — самолет. Только вшившись в него, он может надлено летать.

— Другими словами, мы опять пришли к Сенову, к куванию владеть собой!

— Если хотите, да. Эта проблема ведь неслучайна. Я вам расскажу сейчас про один из моих любимых полетов. Это было в прошлом летном-испытателем, и его вничую. Она студентка. Так вот, они стали летать в гаганы. Дел, приваки и парашюта. У него как-то мельчал на месте. Дорожки на даче вымыли, посылки переплавали и побили. Вничу совсем другая. Дел требовало от неаккуратности даже посылки. Замыслил, что в этот же момент, что он слышал, а так, как положено, чтоб он долгие часы. Она считает, что она знает, что она знает, что в этот же момент. Он только попросил, она осталась жить. Бесконечно, так так корнент с техникой, так собран, так умеет владеть собой...

— Илья Эрнберг в своей последней книге «Люди, годы, жизни» сказал, что вместе со временем из жизни уходит старая дружба, и человек, если, конечно, не хочет, теряет свой образ жизни, ждет одиночество. Как вы относитесь к современной жизни, молодому летчику, образу их мышления!

— Не в защиту ли вничу задан этот вопрос?

— Нет. Судя по рассказу, оно довольно изобавное создание.

— Да. Но и очень сложное. Со временем, мне кажется, оно станет добрее. Теперь вернемся к Эрнбергу. Я не думаю, что это нежелательно. Оно случается только в конце жизни. Илья Ренар сказал как-то: есть периоды, когда судьба и человек становятся близкими друг другу. Но никому волноваться, это пройдет.

— Как же до современных молодых людей, то у них мало времени для себя, для творческого мышления. Илья Эрнберг говорил, что человек плохо развито осознание ролей в обществе, собственного места в нем.

— Но только их в этом винить нельзя!

— Я не собираюсь этого делать. Мне кажется, во многом здесь виновата школа. Она им старается дать как можно больше сведений, горит как можно больше ученика по качеству самостоятельности. А это ведь очень важные вещи. И тут же пытаются научить давать способности ученика, направить его в жизнь.

— Последнее я считаю даже самым важным. Еще во время работы в летной школе через мои руки прошло много классовых работ. И сейчас я могу сказать, что больше всего перенасилены инженерии или конструкторами, а стали перенасиленными инженеры. И тут же пытаются научить с самого начала их плохо направляли.

— Михаил Михайлович, что главное вы полагаете воспитать в себе молодому человеку!

— Достоинство, страсть к творчеству и любовь и труду, без которого невозможно ниинное творчество.

Громов замолчал и после паузы как бы в раздумье добавил:

— И, конечно, мужество. Мужество в отставании собственных взглядов, собственных позиций.

Беседа подходила к концу, а в еще так и не задал вопроса, который считал самым важным. Громов через Северный полюс. Как известно, он летел вторым после Чкалова.

— Лето и философы уже водились долгие торжества, которые неслись в небо. Любимые, надо отдать первопоходку, стиснув зубы, идет вперед и повторяет, и улучшает соседнее предложение. Хотелось бы всем это услышать из уст Громова.

— Мне кажется, — начал Громов, — все обстоит значительно проще, чем представлял себе это поэты. Даже самый шал, и тот заматает метель. А здесь «дورها» в воздухе.

Мне знала экипажа Чкалова нам очень помогла. Мы знали об их просветах и трудностях, знали, как их избежать. Но от случайности иногда и ничто не гарантировано. Когда Чкалов паравалат через Канаду, самолет попал в Балтику, Белякову стало плохо. А на этом участке — большое магнитное склонение. Поэтому работа штурманам в показателях Комаса все время нужно было исправлять. Это делалось в основном в полете. Вывалился в Ваннувер Чкалов прыгнул только на рассвете следующего дня. Силою искривил при этом маршрут, а утром мы выжили на немисинской границе.

Теперь об эмоциях и прочей высокой психологии. Когда вы снизились на поле одного американского фермера, который, кстати, не садеть, стал знаменит не меньше чем мы, то, думаю, у вас возникли какие-то впечатления. У нас были экипажи и вы не были. И во время полета нас не боялись никакие свержения, а вы не были. Нам хотелось одного: как можно лучше выполнить полет — лететь вперед и вперед. У нас при этом были другие задачи: испытывать и наши предшественники. У нас были в Бесконечности полет в Америку. ФАИ присудило мне медаль «Lavo».

— И последний вопрос. Михаил Михайлович, как вы относитесь к славе!

— Как и самому неустойчивому явлению в материальном мире. Беседа продолжалась. Об этом нехорошо сказал Омар Хайям:

Ты обиден наградами — позыбуй, Ты инстинктивно учишься — позыбуй, Небрежен ветер, в вечной книге жизни Мою и не той страницей шевельвай.

Я так и запомнил Громова, читающего эти стихи. Голос звучал ровно, удовлетворенно. А в сполыхих, выматывающих глазах — уверенность.

начала была большая пустая сцена, а пригнущенными огнями рамы: почти незаметно стоял посередине сцены стол из прозрачного плексигласа. И в правом углу, в тени — сидела женщина в строгом концертном костюме. Она провала слышном по струнам скрипки, и под ведением эстрадной музыки вальса Изма-за кулис прошла по сцене задушевная девушка. Все зрело, казалось, она не идет — алетает. Смотрит вперед, чуть нагнув голову, спуска плечи, как будто хочет что-то вспомнить, далекое, приятное...

Традиционное гимнастическое трио на золотых блестящих, промоченное лютинишо на темных волосах, как крыло эвклидический, — все не постоянно, все в строю, но нарастающее волнением. И эти отрывки плавающих, грустных шагов изма-за по пути и прозрачному столу, изма-за музике, которая, кажется, возникает лишь от движения девушки по сцене, в зале становится тихо, словно в приглушении чего-то необыкновенного. Там холодная тишина бывает в цирке, когда исполняется опасный трюк, когда барабанная дробь бьет тревогу, потрясая воображение зрителей. А здесь — скрипка, нотополный вальс, и девушка почти незаметно из зала ступила на непривычно пустой сцене.

То, что показывает молодая артистка Москонцерт Тамира Лязгина, в давних времена считалась тончайшим словом «каукумо». Она достигла в своем номере той стадии совершенства, когда у многих простаивающих зрителей в зале возникает вполне достижимый для них мысленный узор «золотой» девушки «нет истории». Тем же, у кого развито склонность к лютинишо фантастическому, возможно, не помешают габиты, танцевальные — встретится носоматика представительницкой-индустриальной цивилизации.

Мне она показала блестящую «каукер», в которую включалась Хозяйка Медной горы. Всегда неизменно. И вальс замораживающий в очередной неординарной позе, фиксируя ее. Но все настоящее, в направлении. Я слышала, что после выступления Тамиры и ней в артистической уборной приподнялись профессиональные балерины, которые оказались на эстраде только монетами профессионализма, но увидев номер Тамиры Лязгина, не утвердили: профессиональное любительство привело их и ней. Как «стоит» на пальцах без пунтов? Откуда ее такая большая «шиш»? Тамира довольна: это ее профессиональная гордость. Так гордится мастер своего творческого дела, кому дано пожить его тономости.

Иногда после концерта у нее спрашивают: любя ли девушка может стать «каукумом»? И узнает, что, конечно, не любя. Сначала нумеры природные данные. Природный «обгит» — гибкость. Тамира выросла в большой семье под Томском. И все в семье, мужчины — мамы, могут «дебаты».

Но Тамира, сильно помнит себя, не только «могла», но и любила чувствовать, как послушно ей ее тело, как увиливаются все вонгуз, заставляя ее необыкновенную гибкость.

— И тогда меня удерживали, — вспоминает Тамира, — не изурованные светлые глаза и мигля улыбка. — Мне у них нравилось. Мы много видели, я танцевала, выполняла несложные акробатические этюды, хотя тогда просто не имела, что не имела, просто показывала людям, которые собирались вонгуз наших представлений, все, что умела. Это так было хорошо, когда мне апродирировали, нога и спина, как люди восхищаются и удивляются. Такое остается на всю жизнь. Иногда утомляешь потребность снова и снова выходить к людям, поранять и радовать их тем, чем природа щедро наградила темноволосую степную сибирячку.

Но потом шагнула в профессиональные концерты. Самодельность. И вот уже звезда Тамиру зовут «артисткой» — весело, с уважением, без всякой иронии. А после школы Тамира уезжает с цирковой труппой. Ее взяли в сугатрацию, где работали на трапезях. Она училась везде, у всех и всею, что помогло ей развить ее природные данные. И первое правило циркового артиста стало с тех пор первым законом ее жизни: ежедневные тренировки. Работать, которую артист не имеет права выйти на публику.

Это не было для нее изнурительным трудом, потому что так работа доставляла Тамире удовольствие жизни. Пять часов в день — ризинка. Иногда даме проспалаась срезки, когда силась наизобретать новые

циры. Проспалаась, вставала, пробовала комбинацию. Тамира изучала свои физические возможности с такой же тщательной подробностью, как и боу постигает тайны своего тела, чтобы управлять ими. Кстати, в номере Тамиры Лязгина есть элемент гимнастики Йогов, и выполняет она их в классически замедленном темпе, сирину позу, как настоящий йога.

Тамира удивительно благодарно относится к людям, которых встречает в своей жизни. Ее «нашли» на Сахалине Махмуд Эсамбаев. Это был сильный во время гастролей. Пришли и ней за кулисы эти «асы» эстрады, удивленные, потрясенные работой Тамиры. Они сказали ей, что надо приехать в Москву, поработать с Юрием Моисеевым артистом эстрады. В Москве Тамира стала адулатом циркового Дел не то было дело». Но на всею нонза она запомнила добродетельное отношение людей. Это ее отношение. Особенно для артиста, в жизни которого бываю моменты, когда неудача «хлываает» из седла иная публика «ахивает...» Трудно оставаться всегда ровным, хорошим, то вариению, когда все время на носках, кажется, гитает нечто постановочное в этом мире.

Но Тамира, хотя она часто оказывается своей молодой труппе, вернется молодой. Даже когда ей приходится танцевать в цирке на Севере. Они летают на вертолете с острова на остров. Перед концертом артистка плотно кормится, потом идет, потом на вертолет, потом морской острове. А у Тамиры номер такой, что можно это сделать по шесть часов до его начала. Все идет перед концертом, а Тамира размечает, дождя вернулась из этих гастролей, пришла лечь в больницу.

Это не перечисление достоинств артистки, которую, как мне сказали, называют в нашей стране «каукер». Мне хотелось понять, почему так непропорционально завышают внимание только что появившаяся на сцене девушка в золотистом гимнастическом трио. Она еще совсем юная, не достигла тридцати, задушевная, не глядит в зал, как будто только одна, наизобретала бой. И все, что она дальше показывает — ее откровение, размышление, а не чуть-чуть воспринятые другими зрителями, независимо от их эстетической и психологической подготовки, но что-то особенное, неповторимое. В это слово и ее влечет сибирская матерь, и природная щедрость, и талант быть благодарным, добродетельным человеком, тем до чего стремилась, приносящий счастье, и тот артистизм, который так отдался на истинно талантливую человека от дорословского рассудения.

Так что же было сначала? Большая пустая сцена с притушенными огнями рамы?

Нет. Огни рамы еще сияли. На сцене чередовался пестрый наряд номеров преапроданного эстрадного концерта. Хлопали дворцы танка. Хлопали двери служебного входа труппы. Разгореченные звезды эстрады возбужденно требовали у номеризма, мимолетного из закулисы сцену. Хватался за свои пальцы, уронившись минуту ухватить за другую, разогореченный публикой Владислав. Квалифицированно пел, шутил, танцевал. Смихивал.

А наверху, в артистической уборной, такая теснота, что мне пришлось забиться в самый угол. Там могла сделать «большой шаг» немыслимая девушка в черном, трапециевидном трио, темноволосая, с золотистым пятном подкрашенных волос, разминала пальцы, уронила, жала мист», стояла на голове. Мы с ней говорили о разных вариантах друг. Ее номер все отвлотили. Но Тамира не могла бы сплывать, так специфика ее номера. Только есть опасность «перергаться». Мы уже привыкли друг к другу, поэтому легко разговаривать и понятно все с полуволы. Оставалось только добавить на сцене. И казалось, так хорошо познанимались, так много увиденного иблизки. Можно сказать, что раскрасин вытнутой руки, так же детально известно, что ничего за лаутомиданого для себя я теперь, конечно, не увижу. Потому что видела все сначала.

Но, оказавшись, я ничего не знала о таком «золотом человеке», который привалю, как будто вспоминаю, что тогда, пошел по сцене.

Другие аплодисменты, когда Тамира стоя на краю стола перевернула, являя губами вытнутой в пол красной цветом и вступила в материальную физики и биологии медленно поднималась с ним — победитель с красным цветом.

Как анисо мек жонгло
Это злато-серебро!

Как иголки зеленыи,
Поминьш на и поминьш я.
Металлическая струнка...
Подсосковая зюв...

Сколько елочных игрушек
Получали мы потом!
Тыму наборов из хлопущек
Все с серебряным дождем.

И на елочке ветанстой
Словько раз перед войной
Павая дождик серебряный,
Зюгостийт, покупиш...

Только первую игрушку,
Сювья я у ней в доугу,
Металлическую струнку
Не забуду.

Не смогу.

●
Мне змяла залепила снежком в оино,
Чтобы выглянул я скорей,
И за дерево спрятался.

Снег

Шел до самых тосовых дверей.
Подошел я,

лебясь,

Чтобы выглянул я скорей,
И за уголком тосев.

Мне змяла залепила
Чтобы выглянул я скорей,
Это ты позвала.

Это я пешком
Шел до самых тосовых дверей.

Романе

Кто-то где-то пишет песню
На чужой мотив...

Дремлет женщина на Пресне,
Косм распустила.

Город весь от снегопада,
Как в седой глумш...

Ничего-то ей не надо
От твоей души.

Момет, холоди! Неозота!
Ветер, зньешь сам!

Просто надо на работу
И деваян часам.

...Хлопа тихо обалдели.
Что ж это за плас!

Говорила: две недели
Дулаю о вас.

Как вы мучаетесь, мильи.
Я тому змяна.

Может, встретится, пожалуй,
Дома у меня!

И ушла через столицу,
Через снег работ,
Сам силен распустила
Засноные ругой.

Отпирают люди двери.
Занягают свет...

В васье да я не поверю.
Потому что — и не т.

...От автобусного шума
Чуть дрожит стекло...

Отчего мне так угрюмо,
Ветрено и зло!

Может, скажут кто поведает,
Байну рассказали,
Как кого-то кто-то предал,
Пальцем показал!

Ничего такого нету!
Есть. Да не у нас.
Просто муж хороший где-то
Песня ждет от вас.

С ним ты хочешь днем поюа,
А со мной во тьме!

У меня совсем другое
Было на уме...

Вам верую злое слово
Только оттого,
Что не надо мне чужого.
Хватит своего.

Так верней, так интересней.
Так я буду ж и я.

...Кто-то где-то пишет песню
На чужой мотив.

Игрушки

Покино перале игрушки,
Словно первые мечты,
Металлические струнки
Небывалой красоте.

Во дворе многоголосом
[Бросив канничиный ую]
Завалился в вопросам:
Где и как их достают!

Но однажды зюле дома
Задержался грувовен.
Блеском свазонным ведомый,
Подбежал я в тот же миг.

Самыи радостныи из грузов —
Стрункой, остро звантой,
Полои был зеленый кузов
У полупотурн у той.

И пока шофер вернулся
За баранку — за штурвал,
Целый двор перемингился
И сокровища называла.

...Блαιο зрвая первых елок,
Время первого метро...

Вадим КУЗНЕЦОВ

Как под бульдозерами слабо
Трепшала старые плотины,
У них домико неют души
И застывает очн тьма,
Когда принисится:
Гибнут груши,
И рассыпаются дома.
Домы, что ставлены дедаином
Не на поруху, а на южину,
Где народились бабы самыи
И где их дети родились.
Где за стеклом цыали гаран,
Где зрели вшиши под оюном...

Бульдозеристы стерли грань
Между Москвою и селои!
Квартиры бабам дали власти,
Чтоб ма, как в городе, жильш.
Чтоб все домашние мажасты
Звалили на плечи жылкомхоз,
Чтоб позаряд остались муии
И с отопляеиым,
И с зюдой!

Но по змало тоскуют руки
У баб,
Особенно весной.
Они в апреле грядки ладят
В тени стекляных этажой
И змелю глядят,
Землю глядят,
Как нерозкавише —
Детей!

Вот почему рыдает зюноио
Гармон — спасение от бед.
«...Эх, на деревне есть девчонка!»
Да вот деревни
Больше нет!

...В метро,
На дальнем перегоне,
Где все движением живет,
Играла баба на гармоник.
Вот...

Песенка о ночной посадке

Под нами — земля
В остывающей мгле,
Над нами — холодные звезды,
Всегда самолеты стремятся к земле,
Как птицы —
В родимые гнезда!

Как бури трепали,
Как грозы соеии,
Нам было в полете несладко.
Огням винку
Города расцвели —
Ночная посадка...

Кто с нами пробился
Сквозь штормы и лед
И знаменному аэродрому,
Кто с нами летал,
Тот, конечно, поймет,
Как летчик
Тоскует по дому!

Тяжелые трассы,
Чужие края...
В издурке серебрянйа прядка.
Огням навстречу несетса земля —
Ночная посадка...

Пусть снова тревоги,
Пусть снова берябе,
Но хочется сердцу полета.
Такоа признание, такая судьба,
Такая мужская работа!

Веселой улыбой
Ты встретишь меня,
А после поплываешь украдкой.
Услыла змяла, и вокруг ни огня...
Ночная посадка...

Бабы

В метро,
На дальнем перегоне,
Где все движением живет,
Играла баба на гармоник,
Притыкая гармоничной живот.
Седая баба в полушавице,
От пары стопок став смелей,
Играла песню.
Две товарири
Приникиво подрывали ей.
«...И-эх, запрягай-ка, тятка,
лошадк!» —

Проскин — руин под бока.
А для чего?
Метро — не плюше
И ехать некуда пока.
Но песня звала тоскою русской,
Звонила, словно бубеница,
Была она пахучей, хрусткой,
Как малосольный огурец.
Она ступала в душу тонко,
Как наступающий рассвет.
«...Эх, на деревне есть девчонка...»
Да вот деревни больше нет!
Но поинит бабы,
Поминит бабы —
Навек запомнили они,

Этюд

Я ощущаю прямую связь
Меж тоннами топонимов
И уздешной прямо в ась
Звездой, светившей тонно-ко.

И одиночество огня
Моей под ветром зыбкой лампы
С тен, за шесть станций от меня,
Туаном театральная рампы.

Я был артистом. Я слал
Себя из тысяч явлений
И без раздумий полагаю,
Что только мир — и бог и гений.

Что два плюс два совсем не пять,
Я растворялся в этом мире,
Что сотворить его опять
Свежо, как дважды два четыре.

Чтобы ктото и концом
Монх самозабвенных бдений
Он с тем же собственным лицом
Востал из всех несовершений.

Я был артистом. В этот миг
Я строил мир, как он воплотит мне,
Чтоб с ним зажить в таком же ритме,
В каком живет он, инный мир.

С развалнями чувств монх
Востановил быем раскисаться,
Стать человеком. И остаться
Им до скончания дней свонк.

Я свихом зротно тужил,
Чтоб утонуться кашкой каш...
А мир, как прежде, жил да жил,
Монх страстей не замечая.

Он пел, работал, ел и спал.
Но в том-то все и было дело:

Как надо, мир существовал!
Земля, как следует, гудела!

Я, как младенца, навну
Всплывал из пламенного мрака.
Я жил. Я отыскал траву,
Как заблудившая собака.

Ты снова шла — ко мне лицом,
А стих, дыша росой и мляот,
Бросался в руки и во всем
Послушан был, как виноватый.

Памяти Алексея Фатьянова

Друзья мои, не умирайте,
Не засыпайте насосем.
Ложитесь спать, но и вставайте.
Неважно, в десять или в семь.

Чтоб не темнел я, как под дулом,
Под вестью, бьющей на ходу.
Чтоб я на кладбище не думал...
Пусть лучше раньше я уйду.

Друзья мои, не умирайте,
Не покидайте мир и свет.
Что люди есть, не уверяйте.
Других таких на свете нет.

Но если час придет, и свалит,
И погребет ваш дух земной,
Я буду с вами, буду с вами.
Как вы, зоть взрада, со мной.

Свидетели

Если осудят меня случайно —
Встанут Невидимо и печально
Женщинам,
Девушкам
И старухам,
Место которым я уступал;
Дети,
Которым хлеб и игрушки,
Домамы и пушки
Я покупал.
Я покупал,
Дело любви,
Не у кого-то,
А у себя.

Если осудят меня случайно
Судья неведомые,
Тогда
Друг,
Для которого
Даль
Не тайна,
Встанет с гербом моего труда.

В нем — огибатель мон
И тризна.
В нем и отчество
И отчество!
Молок с жарким голосом,
Серп, обитый колосом.

Рисунки Валерия ОКунева

Дочери

Марина Вадимовна!
Здравствуй! —
Взрастает в она рассвет.
Марина Вадимовна!
Властуй
В неполных четырнадцать лет.

Сегодня и тебе с одолженьем
Деревья под оном пришил
И в знак своего уваженья
Багрянцем лесов принесил.

Сегодня окрестные птицы
Пред тем, как им во улететь,
Тебе, как любимой сестрице,
Решили все песин пропеть.

Марина Вадимовна!
Слушай!
По обшам и частым садям
Сегодня сыпался грузин
К твоим голубастым ногам.

И солнце, имея понятие,
Лунчиств светит с небос.
Сегодня красное платье
На фабрике свили тебе.

Четырнадцать лучших пиромонх
В пекарне тебе испекли...

Ах, как хорошо и трезвоно
От щедрости русской земли!
От щедрости отчего края,
В котором работать и жить!.

Не дай тебе бог, дорогая,
Об этом однажды забыть!

Потолки

Не верю фантал вопреку
И всем обоснованиям,
Что существуют потолки
И силки и держанья!

Не верю, истину любя,
Я поговоре ложной,
Что выше самого себя
Подпрыгнуть невозможно!

Поверить в это —
Задуметь
Стремление полетать!
Поверить в это —
Позабьт
Сгоревших в самолетах!

Замерзших в тундре
И во льдах,
На поле брани павших,
Переборывших боль и страх
И без вести пропавших!

Нет, не наступит мой предел,
Не кончится возможность!
Да здравствует
И слов и дел
Моя неустрашимость!

Пусть будут цели высоким,
Пусть жмет огнем тревога!
Пусть, пробывая потолки,
Набью в шившем мого!

Но — лишь вперед!
Но — лишь бросок
Навстречу грозной шире!
И сразу — выше потолка
И горизонты — шире!

Сергей ПОЛЖАРОВ

Когда столпотворенье в доме,
Тесно и дымят от гостей,
Живешь, как будто на пароме,—
Весь в ожидании вестей.

Вот скажут, стопора машинку:
— До берега подать рукой...
И знаешь ты, что свой — покинут,
А тот, что близится,—
Другой.

Где, может быть,—
Чем черт не шутит!—
Над губой гибельной теснясь,
Лежат пласты иссохших сучей
И так провисла явленная связь.

Но вот паром опустевает,
И видишь, на берег слоды:
Лежит дорога полевая,
Иссохшим ртом моля дождя.

Все так знакомо,
Так старинно,
Как будто со ржой раздел.
Паромный путь,
Вечерний, длинный,
К тому же берегу пришел.
И ты за навязанные это
В себе не ведешь грехов...
По стенам тень твою, раздетая,
До третьих бродит петухов.

На острых, синих скалах ветра
Пробившая ночь седина...
Почтовой марширо к конверту
Присыла к небесам луна.

Простреленная взглядам
И оправаденная аном,
Она сплещенце громадой
По руслам потечет врымя.

Чтоб на ленивом повороте
Был в руки ты взвезд,
По росам выжда за ворота,
И все с посплыва пошла.

Вокруг змелюно гуляют гулы
Стростей,
Заваренных весной,
И стывает ветер остерскульный
Под несводной седной.

ВЫЗНА СОСТАВ ПОДЪЕ ОН

Наталья КОЛЕСНИКОВА,
Григорий ДУБИНСКИЙ (фото)

«На зимних Олимпийских играх в Саппоро будет действовать четырнадцатая санная трасса. Строительство наиболее интересной из них — трассы в Фузунно — было закончено в декабре 1988 года и обошлось в 275 тысяч долларов. Как только строительство было закончено, трасса тут же замерзла, и только на вырвах пришлое известие о ледяных стенах, на что пошло около 100 тонн ледяных блоков. С помощью мильных лент трасса будет осматриваться равномерно в любое время суток — будь то ясное утро или поздний вечер».

Официальная брошюра
XI зимних Олимпийских игр в Саппоро.

Сани, салазки, розвальни? Может быть, естественнее про троечку в бубенцах или жак в былые времена на масличном катались с горы на «ледяниках»? Все эти ассоциации дадут от спорта настоящею же, настоящею, но мимическими спортерством нашего века близки современные спортивные сани.

Что толку теперь, ведь две олимпиады подряд мы только с мужественным взором на гоним немецких, итальянских, австрийских и других зарубежных саночников по ледяному желебу, уверять друг друга, что это же истинно наш, русский вид спорта? Ведь «мной же русский не любите и т. д.». Опять же троечки в бубенцах да мальчишки с «ледяниками». Но самым резким троечкой не развить скоростей свыше ста километров в час, а «ледянику» не заставить взлететь вверх по стене вырва. Общее тут только азарт спортивности.

Всего год прошел, нам построили у нас под Ленинградом и Ригой первые самодельные саночные трассы, всего месяца два, как объявился о создании Всесоюзной Федерации санного спорта, всего раз-два и обещали материалы появились в печати о его прелесть, а мелюзга это новое дело освоить вникновению.

Начинаем мы буквально на гоном месте. Не считая двух самодельных трасс и нескольких десятков произведений той же фирмы саней, у нас пока нет ничего. Ничего, кроме дерзкой мысли уми этой зимой устроить наши саночниками. Боевые назначения на традиционном Кубке «Митрополит» который проводится у себя сильнейшим в мире саночником ГДР.

Каждому спорту, во-первых нужны спортсмены. Не просто имеющие этот спорт заниматься в них неосторожно нет, а имеющие мастера, на которых можно развивать. Через несколько лет они и у нас появятся как саночники — выйдут из ребятни, которые к тому времени получат саночный спорт уже не в первозданном, а в более или менее сформировавшемся виде. Но нам мастера нужны сейчас, немедленно. Как воспитать их, так сказать, энтерном?

Дергать в погоню сзади, рвануть вперед с энергией автомобиля, от рождения лишенный тормозов — задача не для слабонервных. Поэтому практика в поисках приверженцев нового спорта обращается первая все же к тем, кто смеется других бросается наутра спортивности, и тем, кто уже привык и нехотливо, гордо, гордо, гордо. Конечно, и обычный, не очень тренированный человек может овладеть саночной настолью, что же, не ставя рекордов спортивности, просто получать удовольствие от быстрого спуска. Неважно саночный спорт считается доступным всем — от пианистов до пенсионеров. Ведь на Олимпийских играх в Грэнблэ, где присутствию кроме Аргентины представлял единственный гонщик сего, пятидесятилетнего Маттиса Стенес. В молодости этот старый агроном занимался лыжами, бобслеями, а теперь перекочевал в сани.

Но мы попробуем почитать будущих саночников, так сказать, в чистом виде. А как не читать?

Очевидно, прежде всего определим, какие качества понадобятся будущему гонщику. Финансовая сила и выносливость? Да, конечно. Попробуй лопаткой на себе в гору дайте на альпийских курортах, где подъемники не роскошь, саночников или не балуют 20-минутное само: любой кататься любил — и т. д. Впрочем, чтобы кататься, тоже нужны сильные руки, ноги и даже шея, иначе раскладистого в санях гонщика спортивность спрутит буквально в бараний рог. Итам, сила.

Далее, очевидно, острота реакции. На быстрой спортивности ситуация меняется мгновенно: вырва, стена, узкий мордор, новый вырва — управляй! Иначе сани сбросит тебя и словно стрелочный молот, сам мордор, сам мордор и финишу. А чтобы управлять, кроме физической силы, необходима тонкая координация движений и тренированный вестибулярный аппарат. Вот основные достоинства, без которых не стать хорошим гонщиком. Иначе Америки они не открывают — все эти качества нужны и легкоатлету, и гимнасту, и конькобежцу, и нам гордостью развиваются саночниками, конькобежцами. Но в классических видах спорта у тренеров уже накоплено столько большой опыт выбора талантливых учеников, что можно довериться тренировке. А нашим саночникам недостаёт опыта волея-волея приходится компенсировать с помощью науки. Спортсменам, называемым медальные сестры в сани, теперь предлагают испытания — тесты по уже проверенной системе, разработанной тренером

ГДР — на выносливость, остроту реакции, координацию движений и т. д. Одно из преданий, которыми уже успела обзавестись история нашего самого спорта, гласит, что несколько лет назад одному ленинградскому парню попалась фотография немецкого гонцила — чемпиона мира в самом спорте Томаса Келлера (его книга, кстати сказать, переведена на русский язык и недавно выпущена издательством «Физкультура и спорт»). Келлер стоял на старте с санями на плече, Володя Биринов так зовут ленинградца долго глядел на фотографию, а потом произвел сложный расчет вычислил по размеру саней, в частности масштаба для расчета он использовал ясно видный на фото... нос чемпиона.

Володя Биринов себе сани построил. И не только сани, и не только себе. Это по его инициативе и с помощью Ленинградского областного совета ДСО «Урожай» в ста километрах от Ленинграда появилась первая тренировочная трасса длиной в восемьсот метров.

Конечно, сани не побьют — вид спорта несбалансированный и дорогостоящий. Сани более демократичны, просто кататься можно с любой крутой горки по твердому снегу, но для гонок необходима трасса, возвести которую трудно, даже при самом высоком энтузиазме, дело необыкновенно трудное.

Тем не менее благодаря persistent героическим усилиям спортсменов-стрелков и в конце 1968 года заработала ленинградская трасса, а зиме 1969 была готова еще одна — под Ригой. Самостоятельностью их создателей нельзя не восхищаться. В наше время, когда удовольствие заниматься спортом чаще всего приодносится человеку в тот или иной миг по крайней мере выбирая себе увлечение по душе, человек имеет возможность достаточно высунуть все его привлекательные качества, трудно припрятывать другой такой случай. Будущим саночникам полюбили свой спорт задолго до того, как согнали с ним по-настоящему познакомиться. Отважая стрелки все свои выходные, они заочно любили свою мечту, это был не просто интерес на выносливость, а истинное испытание верности. Натрва — постоянный спуск. Испытавшие это утверждают, что такое никогда не забудется.

Вот что они говорят: «В первый момент, вырвался в лабиринт виражей, испытываешь странное чувство — опекаемые времена. Скорость захватывает целиком и заставляет побеждать естественный страх перед неизвестностью... Вначале просто летящий сан, забросил тычки а том, чтобы благополучно добраться до финиша. Только после нескольких тренировок успеваешь, что выскочишь и мощнее стал работать санчником. Ни одного лишнего движения. Управляешь почти интуитивно. И вместе с тем очень сосредоточенно...»

Теперь любознательным уже несколько легче возможность в какой-то мере почувствовать прелесть гонки, дант короткая минута, святая ринкинам кинематографистам и саночникам. Она называется «Вот это спорт!» «Ро» — сокращение от слова «роль», наименование так же, как «роль» — роликов (саней, тобоган и пр.) — это все ролевые братья, отличающиеся только в конструкции, но не в принципе. Фильм дает довольно точное представление об особенностях гонцила, потому что кинокамера сама совершила стремительный спуск и испытала на себе все его взлеты и отчаяние бросил.

Посмотрите, по воссравнениям на крутой горке, где обычно собираются горнолыжники и детишки с салазками, с мажн тайней, примечатм шумными улыбаемым восторгом папы и мамы «подлинная и мальчишеская хулиганские снаряды и матит язык... Вроде как-то не принято у взрослых так называться. На лыжах — пожалуйста, даже пенсионерам не зазорно. Но на санях? А почему мне, собственноручно не принято? Момент быть, потому, что саней для взрослых нет в продаже? Ведь как говорит русская пословица: «Будут сани — поедет и санки».

Настоящие спортивные сани с небольшими, отдаленными сталью (некоторые зарубежные специалисты даже считают, что еще лучше — платиной), снаряд сложный и дорогой. Но для массового катания вполне пригоден их упрощенный вариант. Так или иначе трассы пригодны не лыжные, а снежные... Прелесть санного спорта можно почувствовать и в упрощенном, общедоступном варианте. Поэтому сейчас, в исторический сезон его официального рождения, стоит приобщить души и тому, чтобы сделать лучший личный рывок вперед, поскорее прощайте саней трудный участок — начало нового дела.

Пора самоделок кончилась

— Сани — наша главная гордость, — сказала корреспонденту «Смены» Е. Н. Белозова, начальник отдела горнолыжного и санного спорта Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. — До сих пор наши спортсмены катились на самоделках саней. Но на них далеко не уедешь. Сейчас Всесоюзным проектно-технологическим и экспериментально-конструкторским институтом спортивных и туристских товаров и его олимпийскому заводу поручено обеспечить нашу спортивную команду саночников, которые должны отправиться в конце января на международные состязания.

Первые двенадцать штук саней будут готовы к первому января, — сообщила редакция директор завода В. И. Смирнов. — До конца сезона обеспечат изготовить еще двенадцать штук. Конечно, пока эти цифры кажутся мизерными, но мы ведь только оживаем этот сложный спорт. В будущем году обеспечим выпустить еще десять штук. А там и другие предприятия включатся.

В первой партии будут сани одноименные и двухименные, полностью отвечающие мировым стандартам. Кроме того, институт разработал конструкцию мировых саней — для американских спортсменов. Олимпийский образец их будет изготовлен в ближайшее время.

ВСЕ О САНЯХ * ВСЕ О САНЯХ

● В 1963 году состоялся первые международные состязания по санному спорту между швейцарскими курортами и лишь в 1955 году — первый чемпионат мира.

● Опытные спортсмены развивают скорость до 100 километров в час. На Олимпийских играх в Гренобле победитель в одиночном заезде (мужчины) составлял также на двухместных санях австриец Манфред Шимдт поехал на 1000-метровой дистанции время — 57,16 секунды.

● Зарубежные специалисты рекомендуют начинать серьезно заниматься санями спортом с 12 лет. Разумеется, начинать нужно не с ледяной трассы, а с простейших откосов и холмиков Горы.

Хорошо утрамбован сезон и гладкая поверхность поверхности, можно превратить в санную трассу и крутую лесную дорожку. Будено только, чтобы уклон был не больше 10 градуса повороты-виражи не уже 15 метров.

● Сильнейшие саночники нашей страны встретятся в конце февраля будущего года на трассе обьеза латвийского города Пелссиса. А в 1971 году намечено провести уже настоящее чемпионство СССР в Цеховоуре, где и этому времени должна быть построена санная трасса, удовлетворяющая всем международным требованиям.

● Перед стартом судьи взвешивают сани — они должны быть не тяжелее 20 килограммов. Спортивные сани очень подвижны, они буквально охотно ходят под тяжестью гонцила, тем как не имеют вперед поперечной перекалки между полозьями. Малейшее движение ног или корпуса — и сани изменяют направление, поэтому техника управления ими очень сложна. Польза соединения с ремнем управления, который позволяет приподнимать и поворачивать сани, заставляет их описывать дугу.

ОВАЯ АТАРА

Было два боя. Чтобы близко увидеть происшедшее, в первом из них мне пришлось забраться в окоп как бы стать на это время пехотинцем. Во втором бою я занял место в танке, стал равноправным членом экипажа — зариюющим. Затем объединенное удушение. И вот репортаж о действии двух «протинков».

ПЕХОТИНЦЕ. Мы сидим на дне промерзшего и чужого окопа. Мы попали в него, потому что увеличился многочасовым успешным наступлением и, как всегда, на расчистки сил. Противник заманил нас далеко в глубь своих позиций: мотострелковая рота оказалась отрезанной от основных сил, возможной огневой поддержкой — в ход пошла танковая оборона. Это обстоятельство сильно сказывается на нашем настроении. Много из нас впервые в такой переделье. Мы мечтаем кушми и часто поглядываем на своих командиров, которые так же не знают боя, где противник и как нам действовать. А делать что-то надо. Нам выплывают по рации Фроветранкины (они, оказывается, замаскирова-

Евгений МЕСЯЦЕВ,
специальным корреспондент
«Смена»

ли (директу за них — взрыв). У ребят хорошей место — вдали от дороги, по которой еще, этого доброго, пойдут танки... Пролетел «иракский» самолет-разведчик. Это уже плохая примета. Мы слышим далекий гул множества боевых машин. Внезапно появляется командир роты. «Слева выходят наши соседи. Они примут бой. Нам же приказано ждать второго захода сил и в случае чего помочь огнем своим. Понять? «Так точно». С той минуты мы больше не суетимся. Попробовали у нас хватить — видимо, чтобы танкисты не заметили наш окопчик и секреты.

ТАНИНСТ. Нашей машинной командой командует Вечеслав Васильевский. Механиком-водителем будет сержант Петр Башарин. Меня определили на место зариюющего.

Снизу в башню, и меня окружают снаряды различного назначения. Я связан с командиром и механиком-водителем телефоном и по нему сообщают мне, что пушка готова и очередную залпу. Кроме этого, я должен все время убирать пустые снарядные гильзы. Наш танк девятый в большой колонне. Машину держит нужный интервал, командир стирнул свой лям и

вылез из башни. Мне можно сделать то же, но я почему-то озло и жду, когда Петя Башарин выключит гучку — точнее, оторвет малоза и впустит в наши кабинки теплый воздух от двигателя. Затем мы останавливаемся. Я слышу в наушниках новые приказы командира нашей колонны; мы понимаем, что головной танк уперся в четкий фронтопротектор, и, пока командир этого танка соображал, что надо делать, тот успел ударить. Нам приказывают перестроиться и увеличивать ход. Заключившись кримины командирских люков, стало тепло, уютно и споконно. Держим теперь, ПЕХОТА!

ПЕХОТИНЦЕ. Вот мы и ушлимпили люковом гул их моторов. Мы еще не видим самих машин, но ясно представляем, где и как они движутся. Иногда моторы начинают издавать вать — это значит, что танки уже прошли близкую балку и теперь поднимаются на бугор, что перед нами. Сколько же машин выйдут на проследует? Один... два... три... пять... восемь... двенадцать. Они веером устремляются вниз. Темно-зеленые гули летят через кустарник и сиринги, их башни шарят по открывшейся равнине.

ТАНИНСТ. Мы сползли в балку и затем с ходу взлетели на последний пригорок. Вид, отсюда отменный: все как на ладони, правда, чуть-чуть мешают кустарник, но мы светлее его, словно солонку. Я разглядываю местность сверху пуленепробиваемые створчатые щели-тримпансы. Щели можно опускать вниз, поднимать, поворачивать в любую сторону. Мне приказано следить за правым бортом и частично за тем, что происходит впереди. Там, кажется, все спокойно... Нет, воткните что-то не так... Ага, там это два автоматички. Один ползет, другой движется короткими перебежками — старается уйти...

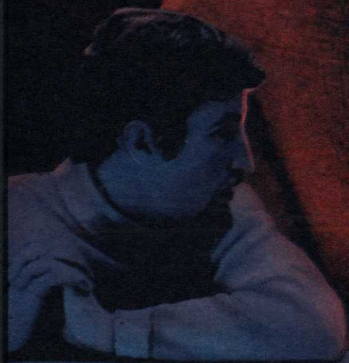
ПЕХОТИНЦЕ. Я слышу автоматички оторвали слова. Там, мотуха в глухоту, сидят двое ребят нашей роты. Для них это первый бой вообще и с танками в частности. Но зачем они стреляют? Не выдержали нервы? Или чья работа боспознано — не услышат... Они выключили из своего окопчика и бегут и нам. Эх, братцы! А что же ты? Заметил, наверно... Так и есть... Лопнул!

ТАНИНСТ. Командир приказывает зарядить пушку, что я и делаю. Сигна неподвижно, прильнув к триллесам. Палить из пушки по пехо-

лись метрах в двусотки, призываю разведчика узнать обстановку. Остальным велено сползнуть. Сокоплет и как следует окопаться. Это значит — концы перекручу, это значит — выбрав подходящий место и конюрия его северной лопаткой, да так чтобы тебе, не дай бог, не последил вращение пластины... Место в амие от изворачивается противотанковой гранаты. Я пубую сыряться в ней и вскрикнув страву: тот хвост того же, варил гаюву в песок. Нет, здесь нужна лопата. У распадаю чиресом, водителем бруску, куда можно было бы положить автомат, гранаты и бутылки с гучкой смесью. Передо мной проселок. Его иллювою закрывает огромный дуб. Но далеко ловно карабкается Володя Шардиком — наш лучший стрелок; видишь, командир роты решил, что боевое подходящее место для снайпера сейчас не найдешь. Шардиком тащит за собой две похоние на стальная дымовые машины. Для чего бы это? Попробуем... Позиция оспыливаются: прамотачива Володя Синичев и Моря Анисов. На проселок выполняли Гена Молочников и Левя Фроветранкины и ввинтили. Вечеслав начал мыши, ведут от них и своим четчайшим проресоченные повод-

НАУКА: КИБЕРНЕТИКА

КАССИУС КЛЕЙ ПРОТИВ ЭВМ

ДЕКАБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ПОДШЕФНЫЕ КОМСОМОЛЬСКИЕ
2. ПО КОМУ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ!
3. ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА УЛУЧШАЕТ КАЧЕСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ
4. ЗА ЧЕЙ СЧЕТ ПРОЦВЕТАЕТ ШВЕЙЦАРИЯ!
5. ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В 2000 ГОДУ
6. ПОСЛЕДНИЕ «МОГИКАНЕ»
7. ДОМА-СОТЫ. ДОМА-ЭТАЖЕРКИ
8. ГИГАНТСКОЕ КЛАДИЩЕ МАМОНТОВ
9. ОБЫЧНЫЙ ТЕЛЕВИЗОР БУДЕТ ЦВЕТНЫМ
10. «ЛЕТАЮЩИЕ БЛЮДЦА» В КВАРТИРЕ
11. «СВЕТЛЯЧОК» НА СПИНЕ У ШКОЛЬНИКОВ
12. «МЕЖДУГОРОДНОЕ МЕТРО»
13. ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ З МИЛЛИАРДА ЛЕТ НАЗАД
14. БАБОЧКИ ПРОТИВ ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ
15. «МАСШТАБ 1:10»

1.

Традиция комсомольского шеста над строительством судов, носители имени выдвигались полей нашей Родины, родился наездник 15-летия ВЛКСМ. Тогда молодежь Адмиралтейского завода одержала блестящую трудовую победу, построена первая комсомольский лесозавоз — «Максим Горький». В очень сложных условиях пришлось работать судостроителям. Победа была одержана благодаря активной помощи молодежи.

Комсомольцы и молодежь шестидесяти годов узнают о славных традициях своих отцов. Подтверждением этому служат подшефные комсомольские суда — плавучий рыбоконсервный завод «Александр Косарев», газотурбоходы «Теодор Нетте» и «Югослав Махмалташ», танкер «Герон Бреста», траулер «Иван Сергеев», сухогруз «Илья Кулик», полученные свои имена по инициативе комсомольцев Ленинграда, Латвии, Белоруссии и Украины.

Узнав о закладке на Балтийском заводе танкера «Герон Бреста», комсомольцы Адмиралтейского завода прислали своим коллегам письмо. В нем они, в частности, писали: «Вы сами понимаете, что мы не можем быть посторонними наблюдателями строительства танкера «Герон Бреста», и поэтому решили взять под свой комсомольский контроль все поставим нашего завода на строящийся у вас корабль-памятник».

Молодежь воскрешает забытые страницы из жизни людей, чьими именами названы корабли. Работя московских, ленинградских, латвийских, белорусских и украинских школ собрали много интересного о генеральном секретаре комсомола Косареве, дирижире молодой Республики Советов Нетте и Махмалташе, о защитниках Брестской крепости, о партизанах Николаева и Херсона. С февраля 1967 года по инициативе комсомольцев Латвии стали проводиться съезды представителей школ, дружин которых носят имена Нетте и Махмалташа. В марте 1969 года такой форум проходил в Москве, а в 1970-м будет в Ленинграде.

«ИСТОРИЯ». СССР

2.

Америка явилась недавно свидетелем новой волны широких протестов против войны во

Вьетнаме. В Вашингтоне, Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго и других городах прошли многочисленные демонстрации под лозунгом «Мир — сейчас!». Хотя подавляющую часть демонстрантов составляют, как и раньше, молодежь, характерной чертой последних манифестаций явилось участие в них значительного числа людей среднего возраста. Стихийный протест принимает подчас самые разнообразные формы. Студенты Бетлсбургского колледжа в Северном Нью-Йорке, штат Канзас, являл в музее колледжа старинный церковный колокол и звонили в него каждые четыре секунды в течение четырех дней в память о каждом американском солдате, убитом во Вьетнаме.

«ЛАНС». США

3.

В Институте проблем передачи информации АН СССР создано устройство ввода изображений в электронно-счетную машину. С помощью этого устройства нечеткое изображение преобразуется в электрические сигналы и очищается от случайных помех. На фотографиях (слева) первоначальное изображение и (справа) уточненное на цифровой вычислительной машине.

Использование вычислительной техники для улучшения качества изображения может найти эффективное применение в астрономии, микроскопии, при восстановлении старых кинофильмов, в полиграфической промышленности и в других областях.

«ВЕСТНИК АКАДЕМИИ НАУК СССР»

4.

В Швейцарии проживает около 300 тысяч иностранцев, работниц, составляющих 15 процентов всего населения и 25 процентов занятого трудом населения страны. Таинственным образом, четверть всех трудящихся в Швейцарии лишена политических прав, изолирована от социальной жизни. Эти люди живут в жалких бараках, построенных неподалеку от места их работы.

История власти в стране иностранных рабочих сдерживает многие тенденции улучшения, несправедливости и разрывов связей. Все эти бедняки, приехавшие из поисков заработка из Италии, Греции, Испании, Турции, приспосабливаются к жизни в Швейцарии, но убеждаются в том, что принесенные жертвы не привели ни к чему. Зато швейцарский капитал не пользуется иностранную рабочую силу со значительной экономической выгодой. Иммигранты работают на промышленно-ремесленной и металлургической промышленности. В 50-х годах пребывание их считалось временным. Сейчас иностранная рабочая сила — неотъемлемый и справедливый фактор развития швейцарской экономики.

«ВНЕ ВРЕМЕНИ». ИТАЛИЯ

5.

По данным «Статистического справочника», изданного Международной организацией труда, к 2000 году население земного шара превзойдет 6 миллиардов человек. 1 января 1969 года количество людей на нашей планете приближалось к 3 миллиардам 700 миллионам. Таким образом, с 1920 года (1,920 миллионов человек) население земного шара возросло вдвое.

«КУРЬЕР» ЮНЕСКО.

6.

Когда португальский мореплаватель Магеллан достиг южной оконечности американского континента и открыл пролив, соединяющий Атлантический океан с Тихим, впоследствии названный его именем, он увидел по обе стороны пролива множество костров. Их жгли индейцы. Открытый им архипелаг получил название Огненной Земли.

Сегодня на Огненной Земле почти нет оставшихся коренных жителей. На протяжении последних десятилетий их систематически уничтожали более поселенцы. Например, племя йаа, которое насчитывало в начале века две тысячи че-

Материалы перепечатываются с сокращениями или с изменениями.

люлек, сегодня сократилось до восьми человек. От племени кони-кор, которое некогда переселило Адам и было родственно племеню горных араукано, на сегодняшний день остался два человека.

«ВИСЬОН», АРГЕНТИНА

7.

ИндустрIALIZация строительства приводит к непрерывному укрупнению элементов жилища, выполняемых на заводе. В настоящее время строители могут получать с завода полностью отделанные и оборудованные жилые ячейки. Применение для их производства легких строительных материалов может привести к системе, состоящей из двух частей: несущей конструкции, в которой располагается все сети, и жилых ячеек, которые крепятся тем или иным способом.

Существует ряд проектов, в которых предлагается заменять не только отдельные части, но и всю ячейку целиком. Предполагается, что потребитель сможет выбрать по каталогу ячейку нужного ему размера, с желаемой отделкой, инвентарем и отделкой. После этого ячейка доставляется на место монтажа и устанавливается в соответствующее свободное гнездо.

Французский архитектор Бланшер, делая прогноз о том, какой будет строительная техника 1985 года, пишет: «Можно предположить, что когда-нибудь многоквартирные дома будут представлять некие грядионные этажерки, на полях которых будут устанавливаться отдельные индивидуальные жилища». Уже сегодня есть проект дома будущего, разработанный фирмой Поль и Джармуль (США). Несущая структура представляет собой цилиндрические сокращающиеся сооружения сотовой конструкции. Каждая ячейка этих сот является как бы кусочком земли, поднятым в воздух, и на этом участке ставится жилье ячейки различного характера.

«ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА», СССР

8.

Между домами Ирвина и Оби, почти в центре Вираджиово стена, длиной в 300 метров и в высоту в 10 километров и югу от станции Кадат в 300 километрах от столицы штата Ювисонирема, открыто грядионное «мимонито» кладбище. По предварительным данным,

здесь, на Волчьей грине, захоронены кости, принадлежащие 1500 особям. Верхние кости майнотов были обнаружены на местном мысе Волчьей гринь в 1957 году рабочим совхозом «Оберштейн». Тогда же высшим палеонтологом В. С. Юванкулова и П. Ф. Савиным только из одной ямы выкопано несравнимо сот обломков и целых костей майнотов. В настоящее время установлено, что на Волчьей грине располагается и целые кости майнотов. В настоящее время установлено, что на Волчьей грине располагается и целые кости майнотов. В настоящее время установлено, что на Волчьей грине располагается и целые кости майнотов.

По мнению геологов, столь массовое захоронение костей обитателей обводненных и ветровых профессиях. Прочным типом майнотов могли быть разнообразны: голые, сгнетенные бури и целые кости майнотов. В настоящее время установлено, что на Волчьей грине располагается и целые кости майнотов. В настоящее время установлено, что на Волчьей грине располагается и целые кости майнотов.

«ПРИРОДА», СССР

9.

Среди магнитофонов и приемников, магнито и радио, среди транзисторов в записных книжках и «Рубино» с огромным экраном, демонстрирующиеся в павильоне «Радиоэлектроника на ВДНХ СССР, львовский «Электрон» занимает особое место.

И хотя его можно было бы принять за телевизор новой конструкции с необычно блестящим экраном, на самом деле это совершенно новый вид изделия, не отнесенный ни зарубежной промышленностью раньше не выпускавшийся, — цветная телевизионная приставка.

Она вполне заменяет цветной телевизор, а стоит примерно четверть его дешевле. Достаточно подключить ее к любому черно-белому телеаппарату, и на собственном экране «Электрон» размером 140 X 183 мм возникнет изображение в цвете.

«ВДНХ СССР»

10.

Любопытные идеи разрабатывают датские конструкторы мебели. «Летающие тарелки» — это диваны, кресла, стулья, изготовленные из гибкой резины и соединяемые к столу на нескольких трассах. Высоту можно произвольно менять. При необходимости вся мебель превращается в подлокотник, освобождая тем самым комнату.

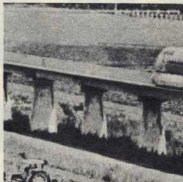
«НАУКА И ТЕХНИКА», СССР

11.

На выставке базовых изделий лондонского «Дизайн-центра», которые будут выпускаться в 1970 году, первостепенное значение приобрела работа о безопасности путешествий. Вынимая посетителя привлекает, в частности, портреты для школьников — «светлячок» (по изобретению аржанево «Фосфоресцирующего материала»). Это изделие приветствовали автомобилисты, дорожная служба и министр транспорта. Но «светлячки» привлекали также и ярлык с именем ученика. Изделие легко протыкать внутри и снаружи зубкой. На одной стороне отпечатаны буквы шрифта «сербского», так называемый «карб-трелл». Пользуясь таким портретом, дети легко усваивают эти правила. Испытания установили, что шоферы видят «светлячки» издали и днем и в вечерние часы. Проживающие поблизости от школ вымещают защиту детей от катастроф. На фабрике этих изделий уже лежат заказы из многих стран.

«ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО СССР»

12.

Надано от французского города Орлеана были проведены испытания нового аэроплана. Основными двумя турбопропеллерами по 1 500 лошадиных сил каждая, он может паразитировать 30 пассажиром со скоростью до 300 км/час. Специалисты считают аэроплан незаменимым транспортом на расстояниях 300—350 километров. Он самолет, ни автомобиль, ни вертолет, ни гидросамолет. За полтора часа можно соорудить пассажирскую линию Орлеан — Париж, путешествие по которой займет всего полчаса. В 1980 году такие линии станут «авиадотрассами» метров.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

13.

Недавно группа американских ученых из университета штата Аризона обнаружили, как полагают, следы наиболее древних земных организмов. При микроскопическом исследовании глинистых сланцев свиты Оверхарт (Родез), по-видимому, самых древних осадочных пород на Земле (их возраст превышает 3,2 миллиарда лет), были выявлены тысячи мельчайших образований сферической, игольчатой и спиралевидной формы. Размер частиц не превы-

шал 0,01 миллиметра. Все исследование, включая подготовку образцов, проводилось в специально оборудованной лаборатории, исключившей возможность загрязнения образцов посторонними микроорганизмами.

Ученые полагают, что найденные виды образования представляют собой окаменевшие остатки одноклеточных морских водорослей. Однако многие исследователи критически относятся к их выводам, считая, что эти образования могут быть иные, небактериального происхождения.

«САЙНС НЬЮС», США

14.

Когда самолет попадает в зону действия вражеского локатора, летишь включает аппаратуру помех, и радиолокационная станция «слепнет». Как ни странно, способ этот существует задолго до изобретения локатора. Узнали об этом совсем недавно. Оказывалось, некоторые бабочки испускают при приближении своих врагов — летучих мышей — ультразвуком того же диапазона, что и летучие мыши! Своими помехами бабочки сбивают с курса преследователей, которые, вероятно, «поглощают» также, как сплетет обычный локатор от помех самолета.

«НАУКА — СИЛА», СССР

15.

В Великобритании есть всевозможное соренование: кто найдет себе партнера, вес которого будет в десять раз больше или меньше. Называется это соренование — «Мастабл 1: 10». Такими партнерами, которых вы видите на снимке, оказались недавно Артур Эриксон, весящий 195 килограммов, и трехлетний Фростер — 19,5 килограмма.

«АРЕНА», ЮГОСЛАВИЯ

Вернер ШТАЙНБЕРГ

РОМАН

VII

Тем временем Гроль шел вдоль респирующих витрин, которые его мало волновали, и наконец остановился у магазина головных уборов.

Он почесался, затем решился все-таки войти, подошел и приглянул и полинил на зерняльное стило сакс сомбреро.

Продавщица в лиловой блузе оценивающе посмотрела на него. Гроль раздвинул запяк ее майских духов, когда за одним шумела осень. Его раздвинул еще и лиловый цвет — от него, право, болела голова.

Продавщица спросила размер, но он не знал. Ему пришлось подставить свою другую голову под объятия сантиметра, что опять подействовало на него раздражающе.

Девушка принесла ему целую кину шляп, которые он назвал бы скорее шляпками. Она положила все это в сторону, подальше от его шляпы, словно боялась, что от старой рухляди можно заразиться. Гроль почесался на нее. Теперь он примерял на свою лысину эти шляпки и тотчас же их отвергал. Он уже укрепился в мысли, что ничего здесь не купит.

Гроль разглядывал себя в зеркало. Девушка сначала злилась, а затем стала уверять, что теперь у него молодецкаякый вид.

«Молодецкаякый» — сердился Гроль, заглядывая в зеркало. Нет, он этого не находит, ему скорее казалось, что он похож на мартошину, которая уже пуста в ростки на нем торчала зеленая шляпка с узарским пером на затылке — настоящий респост!

Он объяснил этой майской девушке, что значит быть фотогенным. Для фотогенного человека надо с особым умыслом подобрать головной убор. Он нашел, что ей необходимо носить шляпку на левую сторону, так как она слегка юрщипу и у нее разные глаза — левый ярок бы больше, тогда как ему, Гролю, необходимо носить на правую.

Наонец он вздохнул, отложил товар и заявил: — Девочки фройлей, и сожалению, я ничего не могу выбрать у вас.

Очень жалко, господин, очень жалко, — посетовала она и повернула свой лиловый бюст к новому покупателю.

Гроль схватил свою шляпку. Правда, он так и не осмелился налить ее, она не вышла на улицу. Там собрался дождь, который скоро заставил владельца модных шляпок расчитать над своими головками пестрые грибы зонтов.

Гроль шел без зонта в неизменной шинюполюи сомбреро, с поля которого сыпалась серые капли.

VIII

Напротив выставочного павильона автомобилей была стоника. Там адвокат остановился, они вышли и проследовали вдоль огромных витрин, на

Оночтанние. Начало в №№ 19, 21, 22, 23.

ПРЕСТАВЛЕНИЕ
НА
ПАРКЕТЕ
ПЛАКОВИТАМ

Рисунок
Валерия КАРАСЕВА

Премии «Смены» за 1969 год присуждены:

Александр АЛЕКСАНДРОВУ — за статью «Убеденность»	№ 18
Всеволоду АРСЕНЬЕВУ — за очерк и фото «На островах»	№ 19
Эйжену ВЕВЕРИСУ — за поэтический дневник «Самый сильный из нас»	№ 23
Валерию КАРАСЕВУ — за иллюстрации к повести А. и Г. Вайнеров «Двое среди людей»	№№ 3—7
Валерии КУЙБИШЕВОЙ — за очерк «И тополя уходят...»	№ 18
Ирине ЛЕВШИНОЙ — за статью «Экран — друг или враг?»	№ 23
Юрию НАГИБИНУ — за рассказ «Среди профессионалов»	№ 21
Сергею ПЕТРУХИНУ — за фотоочерки «Сто профессий завода», «Мастер среди мастеров», «Дороги на Самолпор»	№№ 9, 17, 18
Олегу ТЕСЛЕРУ — за комиксы	№№ 7, 18
Анатолию ЧЕРНОУСОВУ — за рассказ «Смолка»	№ 11

Александр Александров

Всеволод Арсеньев

Эйзен Веверис

Валерий Карасев

Валерия Куйбишева

Ирина Левшина

Юрий Нагибин

Сергей Петрухин

Олег Теслер

Анатолий Черноусов

О д н а д ц а т ь л у ч ш и х д е б ю т а н т о в

В шестой раз «Смена» называет символическую сборку новичков — обладателей лучших дебютантских футбольного сезона. Многие из 55 молодых футболистов, названных нами в прошлые годы, стали теперь известными мастерами — основными игроками не только в своих клубах, но и в сборных командах страны. Ветеранами с пятнадцатилетним стажем считаются ныне капитан Сергей Краваренко, капитан Сергей Крутиковский, росточанин Алексей Есько, москвич Юрий Лубучий... Была «большая Обедонтия» и среди тех, кто завоевал за сборную СССР право выступать в

будущем году на первенстве мира в Мехико: Владимир Митяга, Анатолий Генищев, Каки Асатиани, Геннадий Еврочкин. Их имена теперь знакомы всем любителям футбола. В нынешнем году большинство футбольных призов (лучшему бомбардиру, лучшему вратарю, приз имени Г. Федотова и др.) предназначались, как известно, футболистам или командам из числа 14 сильнейших коллективов, участвовавших в финальных состязаниях на первенство страны. Этого же принципа придерживались и «Смена» при выборе лучших дебютантов сезона 1969 года.

ВРАТАРЬ

РЕГИНД ШИМУЦ (ЦСКА), мастер спорта, 21 год, сыграл в первенстве СССР 13 матчей.

ЗАЩИТНИКИ

ВАЛЕРИЯ МОСКВИЧЕВ («Черноморск», Одесса), 19 лет, сыграл 13 матчей. Игрок юношеской сборной СССР.

АЛЕКСАНДР МИРЗЮЯН («Нефтьч», Вану), 18 лет, сыграл 15 матчей. Игрок юношеской сборной СССР.

НИКОЛАЙ АБРАМОВ («Спартак», Москва), 19 лет, сыграл 19 матчей. Завоевал право на присвоение звания мастера спорта. Награжден золотой медалью чемпиона страны по футболу.

ЕВГЕНИЙ ЛОРЧЕВ («Спартак», Москва), 20 лет, сыграл 32 матча. Завоевал право на присвоение звания мастера спорта. Награжден

золотой медалью чемпиона страны по футболу. Игрок первой сборной СССР.

ПОЛУЗАЩИТНИКИ

АНАТОЛИЯ БОГОВИЧ («Динамо», Киев), мастер спорта, 22 года, сыграл 17 матчей, забил 3 гола. Награжден серебряной медалью за второе место в первенстве страны. Игрок олимпийской сборной СССР.

ВЯЧЕСЛАВ СЕМЕНОВ («Заря», Луганск), 22 года, сыграл 16 матчей, забил 5 голов. Игрок олимпийской сборной СССР.

ВАСИЛИЙ КАЛИНОВ («Спартак», Москва), 21 год, сыграл 23 матча, забил 4 гола, завоевал право на присвоение звания мастера спорта. Награжден золотой медалью чемпиона страны по футболу. Игрок олимпийской сборной СССР.

НАПАДАЮЩИЕ

АНАТОЛИЯ ЗИНЧЕНКО (СКА, Ростов), 20 лет, сыграл 26 матчей, забил 6 голов. Завоевал право на получение звания мастера спорта. Награжден дипломом второй степени за участие в финале Кубка страны. Игрок олимпийской сборной СССР.

ВЛАДИМИР ПРОСКУРИН (СКА, Ростов), мастер спорта, 24 года, сыграл 26 матчей, забил 16 голов. Награжден дипломом второй степени за участие в финале Кубка страны. Игрок олимпийской сборной СССР.

ВИНТОР ПРОКОПЕНКО («Черноморск», Одесса), 23 лет, сыграл 26 матчей, забил 5 голов.

Революция «Смены» желает молодым футболистам больших успехов в спорте.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Вузынский проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Снято в набор 10/ХІ 1969 г. А 00240. Подписано и печ. 2/ХІІ 1969 г. Формат бум. 70 x 108/16. Усл. печ. д. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Под № 2510. Заказ № 3339. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ПОТЕРЯЕШЬ — НЕ НАЙДЕШЬ

Слова Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Бориса САВЕЛЬЕВА

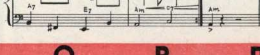
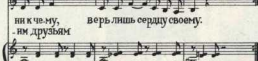
Слов чужих не слушай никогда,
Пользы нет от них — одна беда.
Верить им, пожалуй, ни в чемую,
Верь лишь сердцу своему.
И пускай тебе твердят опять,
Что легко красивой отыскать,
Улыбнись в ответ своим друзьям
И решай, как знаешь сам.

Прпев:
Ты ходи за мною
Летом и зимою,
Ты ходи в мороз и в дожди,
Ведь любовь, как искра:
Дунь — погаснет быстро,
Потерешь — больше не найдешь!

Ты люби, тебя я не дерзую,
А ты люби — наградишь тебе славу,
А увидишь — наградою не зови:
Значит, не было любви.
Пусть ничем не лучше я друзей,
Только ты не слушай слов чужих.
Верить им, пожалуй, ни в чемую,
Верь лишь сердцу своему!

Прпев:
Ты ходи за мною
Летом и зимою,
Ты ходи в мороз и в дожди,
Ведь любовь, как искра:
Дунь — погаснет быстро,
Потерешь — больше не найдешь!

Умерено

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

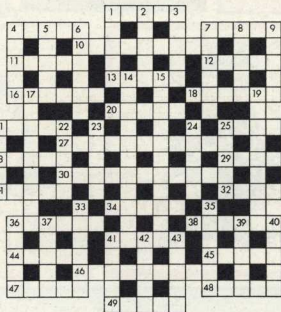
- Персонал оперы М. А. Римского-Корсакова «Майская ночь».
- Часть роторного двигателя.
- Горизонтальная горная выработка.
- Стальная камера для газообразных исследований.
- Печатная форма для воспроизведения рисунков, иллюстраций.
- Музыкальный инструмент народов Средней Азии.
- Утег.
- Народная художница СССР.
- Смазка для механизмов.
- Рама, основанная различными машинами.
- Музыкальный темп.
- Радиоактивный минерал.
- Сельскохозяйственное орудие.
- Самолетный свой закон.
- Одно из Великих чудес Севера Америки.
- Форма подготовки научных кадров.
- Рена в Шотландии.
- Вещь товарища без упоминания.
- Южное плодородное дерево.
- Образцовая мера.
- Горд в ГДР.
- Герой стихотворения И. А. Некрасова.
- Музыкальный ансамбль.
- Трубочка для краски, пасты.
- Алгебраическая форма.
- Ветель меха.
- Низма часов.
- Плавучее орудие для разработки месторождения золота.
- Спортивный инвентарь для игры в волейбол.

По вертикали:

- Юный цветок.
- Малая планета.
- Музыкально-драматическое приращение.
- Денежная единица Эвандора.
- Основной звук гаммы.
- Спутники планеты Уран.
- Один из героев пьесы Н. Ф. Гоголя «Молодец с ружьем».
- Вращающаяся часть турбины.
- Представитель основного населения советской автономной республики.
- Роман Майн Ринд.
- Хвойное дерево.
- Материал из синтетических смол.
- Загвар в немощном аппарате.
- Автор оперетты «Инирофе-Инирофи».
- Заработная плата.
- Горная система в Западной Европе.
- Старинное речное судно.
- Духовой музыкальный инструмент.
- Эстрадный танец.
- Внешнее очертание предмета.
- Единица направления магнитного поля.
- Подразделение геологической службы.
- Безопасный пилонерагер.
- Минеральная краска.
- Охотничья собака.
- Горд в Челябинской области.
- Советская футбольная команда.
- Притон реки Сены.

Составил А. ШЕНН

г. Советск, Тульская обл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫ В № 22

По горизонтали:

- «Камаринская».
- Иппитер.
- Шпатель.
- Слово.
- Васнер.
- Импортер.
- Веревка.
- Калькоман.
- Стекло.
- Киловольт.
- Караваев.
- Ангар.
- Качалов.
- Шпата.
- Снард.
- Иглица.
- Анина.
- Верный.
- Нисанка.
- Матусовский.

По вертикали:

- Паспорт.
- Матроска.
- Гитрограф.
- Освещение.
- Коробок.
- Ванночка.
- Другут.
- Кривенький.
- Аэронавигация.
- Север.
- Кучин.
- Ивров.
- Сиваш.
- Шаньинский.
- «Аэрога».
- Аксонит.
- Огтаннот.
- Польза.
- Влавык.
- Бискупит.

1.

Прямая линия перескакивает четыре клеточки, сумма которых составляет 33. Проведите еще одну прямую линию через клеточки, но так, чтобы сумма чисел в перескоченных клетках равнялась 75.

2	9	6	6
15	7	16	5
12	4	10	11
8	4	1	13

2.

Среди этой путаницы линий спрячьте монеты шести зверей. Попробуйте их отыскать.

1.

2.

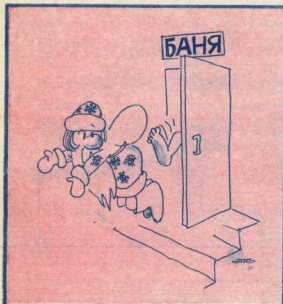
3.

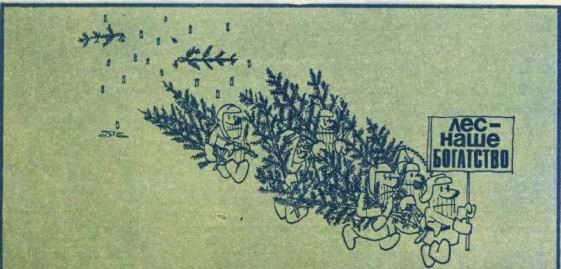
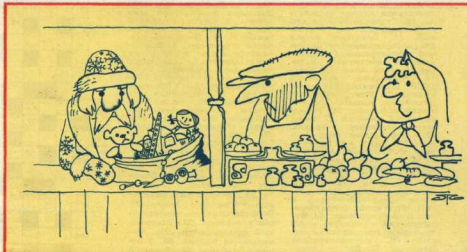
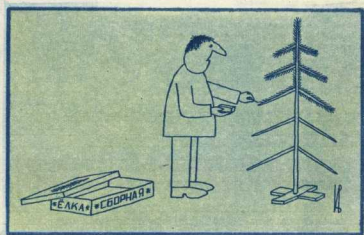
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНЫ» № 22

— НЕТУ У МЕНЯ ВОЛШЕ НИЧЕГО, ДЕТКИ... ЕЙ-БОГУ, НЕТУ!

НОВЫЕ ГОДОМ!

Рисунки Игоря ВОРОБЬЕВА и Олега ТЕСЛЕРА

Индекс 70820
Цена номера 20 коп.